

Бабенко Владимир

Озьяйка северных морей

~ мир приключений ~

12+

Владимир Александрович Бабенко

Хозяйка северных морей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58824341

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-03930-8

Аннотация

Эта книга о пиратах, кладах, роковых красотках и коронованных негодях, сидящих на тронах цивилизованной Европы. А ещё она об интригах и схватках тайных служб под ковром госпожи Истории, о ледяном, злом Северном ветре, свистящем в снастях фрегата, идущего в боевом развороте навстречу вражеской эскадре, и не столь уж важно, что вернуться домой шансов почти что нет. Важно то, что впереди двадцать пять лет не объявленных войн, а контракт подписан на весь срок. А ещё эта книга о любви Капитана к Женщине. «К матери, сестре или жене?» – спросите вы. Это неважно. К Женщине! Ведь жизнь и смерть тоже особы женского рода. Для тех, и о тех, кто привык жить, а не существовать эта книга.

Содержание

Пролог	5
Барельеф на скале	5
Глава 1	41
Капитан	41
Глава 2	62
Ангелы и бесы	62
Глава 3	91
Короткое счастье	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Владимир Бабенко

Хозяйка северных морей

Все герои и события вымышлены от начала и до конца

Посвящается моей жене Ольге.

Пролог

Барельеф на скале

Когда мир весь идёт на тебя волной,
Впереди п-дцать лет необъявленных войн,
То контракт на весь срок подписан тобой.
Что осталось? Самим быть собой.

Юлия Захарова

«Трое неизвестных в тёмных одеждах под проливным дождём, с трудом преодолевая порывы свирепого ледяного ветра, на взмыленных и почти загнанных лошадях уходили от погони, которая буквально наступала им на пятки. Злобные свирепые звериные морды уже мелькали между деревьями, а сил для отпора не осталось совсем. И тогда»

Примерно так следовало начать роман, чтобы сразу схватить читателя за загривок и не отпуская тащить его до финала. А после того как хватка ослабнет и бедная тушка читателя выпадет из зубастой пасти госпожи Интриги, с ухмылкой смотреть как несчастный гражданин-товарищ, собрав остатки сил, «на карачках» улепётывает прочь.

Но мы не будем гоняться за дешёвой популярностью, и нагнетать страсти, потому что это было бы против истины. А вот она увы, банальна и ничего героического на самом деле

не происходило.

Если, конечно, верить мемуарам мадам Корн, которые и легли в основу нашего повествования. Итак, начнём .

Трое неизвестных мужчин, в тёмных одеждах и на лошадях такой же масти неслась стремглав по российским просторам в окрестностях столицы.

Но за ними никто не гнался – просто они, повинувшись воли, пославшего их высокородного господина, спешили в заранее намеченное место, где и должны были совершить то, ради чего их собственно и наняли, заплатив приличные по тем временам деньги. Всё просто и обыденно.

Прибыв на опушку леса, безымянные личности, которые так и остались неизвестны для истории, спешились.

Тут обнаружилось, что к груди одного из всадников был приторочен объёмный свёрток, в котором оказалась небольшая деревянная детская люлька изящной работы.

В колыбельке был младенец – милая девочка, которая спала, смешно собрав губки «бантиком».

Справедливости ради следует сказать, что в её кормилицу, безжалостно влили изрядную дозу макового молочка, ничуть не заботясь о здоровье женщины. В положенный час, оторвавшись от её груди, девочка заснула и сейчас спала, улыбаясь во всю ширь своего милого личика.

Осторожно, затаив дыхание, чтобы не потревожить сон «ангелочка», изящная детская кроватка была препровождена в укромное, заранее подготовленное место и покрыта до-

рогушим атласным пледом. Троица скромно исчезла из вида.

Но это только для стороннего наблюдателя – за младенцем присматривали, и он был в полной безопасности.

Не прошло и четверти часа, как возле люльки появились трое уже совершенно других людей, одетых в простые кафтаны, в которых щеголяют господские егеря.

Где-то слышался лай собак, конский топот и звук охотничьего рожка. Девочка засопела, заворочалась, но не проснулась.

Князь Борис Сергеевич Стриженов – бывший воевода, полковник, ближний царский боярин, хозяин здешних мест в окружении дворовых людей, егерей, таких же, как он сам господ и пары столичных хлыщей от самого царя, выбрался на охоту по утренней зорьке.

Заботливо и осторожно, чтобы не разбудить младенца, троица «егерей» подняла малышку, со всем её нехитрым хозяйством и двинулась пешком навстречу «честной компании».

Солнышко поднималось над верхушками деревьев, начался день. Россия всё ещё спала в предрассветной дымке туманов. До начала нового века – восемнадцатого, оставалось ещё прорва времени.

А где-то далеко – в Москве, царица Наталья, в душевной светёлке в окружении мамок, нянек и повитух с криком, стонами и зубовным скрежетом рожала младенца – будущего Императора всея Руси.

Но великой Державе до этого, не было никакого дела. Она спала, нежась в предрассветной дреме, в предвкушении нового дня. Наступал четверг – чистый четверг.

Не будем торопить события, пусть Она спит, пока спит.

Но пройдёт совсем немного времени, Она обязательно проснётся, чтобы взвыть от боли, и ужаса и стать Империей, заняв место, подобающее ей по праву, чину и мощи. Всё только начиналось.

Сразу после адмиральского часа, на пирсе, где стояли торпедные катера, появился матрос в коротком чёрном бушлате, и прямым направился к ревущему мотором катеру лейтенанта Малышева.

—Товарищ лейтенант вас в штаб вызывают – проорал посыльный, понимая, что перекричать вой мотора ему не удастся. – Товарищ лейтенант! Това....

—Чего орёшь, – из люка вылез небольшого роста крепыш в замасленной робе, – когда прибыть нужно?

– К трём часам.

—Понял, в пятнадцать нуль-нуль, буду в штабе. Что ещё?

– Всё!

—Свободен боец! Стёпа, а ну давай форсаж, – крепыш исчез в люке, и мотор взревел с новой силой, оглашая окрестности гулом восьмьсот сильного двигателя.

В назначенное время в штабе появился тот же самый кре-

пыш, но уже в чёрном офицерском бушлате, под которым был китель, застёгнутый на все пуговицы, кои были начищены до зеркального блеска. В общем, лейтенант был, при полном параде, как и положено по уставу.

Однако попасть к комдиву ему не удалось по той простой причине, что его быстренько направили в приёмную командующего, объяснив, что капитан-лейтенант Куксенко ждёт его именно там.

Оставив новенький офицерский бушлат в приёмной адмирала, прибывший лейтенант, решительно открыв дверь, вошёл в кабинет Арсения Головки.

У добротного, ещё старорежимного стола, стоящего посередине небольшой комнаты, сидело четверо офицеров, вместе с самим адмиралом и смолити папиросы так, что некурящий Малышев сразу почувствовал себя неуютно – если начальство так дымит, значит, ничего хорошего от вызова ждать не следовало.

Увидев вошедшего лейтенанта, начштаба – капитан первого ранга Платов, недовольно хмыкнул, нервно постукивая пальцами по столу.

Поняв, что впечатления на присутствующих он не произвёл, лейтенант, намерено громко печатая шаг, подошёл к столу и обратился к своему начдиву, как и положен по уставу:

—Товарищ капитан-лейтенант, командир торпедного катера ТКА-267 по вашему приказанию прибыл.

Комдив, недавно сформированного и ещё как следует не проявившего себя дивизиона торпедных катеров, Алёша Куксенко, поднялся из-за стола, пожал протянутую руку и, повернувшись к адмиралу, хотел отрапортовать, но Головки махнув рукой заявил:

– Подойдите к столу лейтенант. Я слышал от комдива, что ты из тутошних будешь, – из поморов? Садись не стесняйся.

—Так точно товарищ адмирал, из Мурмана я.

– А куда ходил? – поинтересовалось настырное начальство, – да не дрейфь ты лейтенант.

– Да везде был, на Грумант ходил, в Архангельск, к норвегам, на Новую землю хаживали, рыбку ловили, грузы возили, я почитай с детства в море.

—А чего в катерники попал?

—А не нужно адмиральских дочек огуливать. Пусть спасибо скажет, что не посадили или в штрафники не отправили – из-за спины, как чёрт из табакерки появился «товарищ» в штатском и с мордой человека из органов. Особым отделом от него несло за версту.

—Это правда, лейтенант? – хмыкнул каперанг Платов, ему Малышев определённо начинал нравиться.

—Ну да, – простодушно подтвердил летёха, – было дело. Огулял вот ... случаем, виноват товарищ капитан первого ранга.

Все сидевшие за столом грохнули от смеха, а представитель НКВД, так чуть не задохнулся от возмущения, но рот

прикрыл. До поры.

Обстановка сразу разрядилась, но начальство на то и начальство, чтобы всегда о деле помнить.

—Ладно, лейтенант подойди ближе. Капитан, – адмирал обратился к Платову, – поставь боевую задачу:

– Вот из этой бухты, – каприз ткнул кончиком карандаша в точку на карте, – сегодня ночью нужно будет забрать разведгруппу. Сведения у них важные, вот товарищ, – Платов кивнул на особиста в штатском, – специально из Москвы прилетел.

Мальшев, отбросив стеснения, внимательно смотрел на карту, подробную – десятикилометровую.

– Знаю я это место, там пролом в скале и узкий пятак плёса. Бухточка небольшая, но глубокая. Течение у берега, сильное, но якоря удержат. А вот как из базы выйти, фарватер то заминирован.

Катера дивизиона стояли в Кувшинской Салме, что в проливе Торес и выход в море был фактически один. Ну можно, конечно, и вокруг острова пойти, но хрен редьки не слаще, мины были и там.

—Да пролив и выход из залива заминированы, – вынужден был согласиться начальник штаба, – а за минными полями эсминцы и лодки. Вот здесь замечены два и у входа в залив ещё три, а вот сколько лодок не знаю. Может две, а может пять, кто их считал, – Платов нервно отстукивал дробь костяшками пальцев.

– А глубоко мины стоят, – поинтересовался Малышев.

– Лейтенант, не считайте себя самым умным, – раздражённо заметил каперанг, но уловив недовольный взгляд адмирала, сменил тон, – ты Малышев на своём катере не пройдёшь. Может, есть какой-нибудь другой фарватер, о котором никто не знает?

Взгляды присутствующих скрестились на лейтенанте.

Сергей внимательно смотрел на кару, что-то прикидывая в уме. Пауза явно затягивалась, но начальство молчало с надеждой глядя на молодого офицера.

—Нет, товарищ капитан первого ранга, другого фарватера нет, – оторвавшись от карты решительно заявил он.

Лица присутствующих враз помрачнели.

Всем было понятно, что катерник не трус и выполнит приказ, как и любой другой на его месте, только от этого легче не станет, потому что вырваться из базы у него наверняка не получится, а значит гибель моряков будет напрасной – разведчики просто не смогут вернуться.

– Но есть идея, – выдержав паузу, достойную маэстро Станиславского, заявил Сусанин, тутошнего разлива.

—Лейтенант!!! Не тяни kota за причинное место, сказывай, что за идея, – тут уже адмирал вступил в разговор.

Не спеша, как и подобает аборигену, в компании «понаехали здесь», Малышев изрёк:

—Ну, если снять торпеды и механизм сброса, всё вооружение, рубку разобрать до каркаса – оставить только скор-

лупу и моторы, а из экипажа: боцмана и моториста, то я, пожалуй, смогу пройти над минами на форсаже.

— У тебя, что форсированный движок?

— Нет, но ...

— Я разрешил товарищ адмирал, — Куксенко встал из-за стола, — в порядке эксперимента.

Адмирал, пропустил мимо ушей оправдание комдива — сам таким был, да и в Испании много чего повидать пришлось.

Идея ему явно понравилась. Рискованно, конечно, и авантюрой пахнет:

— Если без торпед узлов семьдесят дашь, да ещё и нос задерёшь, — может и получится.

— А если и рванёт какая, так я её проскочу на скорости.

— Думаю, что проскочишь, — согласился Головкин, — а вот как с эсминцами быть?

— Так они знают, что пролив заминирован и такой наглости — ну чтобы прямиком, по минному полю и во весь опор с шумом и грохотом — они не ждут. А вот на этом мы и сыграем.

— А если ещё и в заливе шумнуть моторами, и артиллерией грохнуть, думаю, шансы есть, — поддержал идею Платов.

Видя, что весы в принятии решения закачались, Малышев бросил свой последний аргумент:

— Да я везучий товарищ адмирал, прорвусь. Только вот как обратно.

В то, что Малышеву фартит по жизни, ходили байки – ни одного ранения в экипаже и поломок тоже не было. Может и везло, но вот только он сам и его команда знали, каким потом пахнет это везение.

—А обратно возвращаться не нужно, дуй сразу в Гранитный, Губу Долгая знаешь?

—Бывал там.

—Ну вот, туда и двигай, там теперь ваша база будет. Ладно хлопцы, – адмирал поскрёб пятернёй затылок, – авантюрой всё это пахнет и шито всё белыми нитками, но я так понимаю, других предложений нет! Так, товарищи офицеры?

—Почему авантюра, – возмутился Малышев. Ему бы помолчать, когда старшие товарищи глубокомысленно молчат, внимая гласу адмирала, – вот если не получится, то это, конечно, авантюра, а если получится – то и не авантюра вовсе.

– Подвиг?! Ладно лейтенант, обсудим после возвращения.

Адмирал, улыбаясь, смотрел на широкоплечего мальчишку в офицерском кителе и вспоминал Картахену :

«Наглость – второе счастье», – у него самого, конечно, такого не было, но «чем чёрт не шутит, пока».

—Лейтенант перегоняй катер к четвёртому пирсу, а ты комдив обеспечь демонтаж всего, чего только можно. Возьмите с собой автоматы и гранаты. Ну, с богом. Удачи!

И тут же его послали, как и полагается в подобных случаях к чёрту, но без обид, а просто в силу традиции.

Правда, при этом Малышев получил кулаком вбок, от

своего же собственного командира, чтобы не распускал язык и соблюдал почтение к старшим товарищам, хотя самим «старшим» едва исполнилось тридцать пять – на войне взрослеют быстро.

Спустя четыре часа в окрестных скалах ожила рация. В эфир упорхнула целая стая точек и тире. Радист работал быстро. Засечь его не смогли. Расшифровать тоже.

Доложили командующему.

—Отменяем выход? – особист из Москвы и Платов ждали решения адмирала.

Ситуация была непонятная.

—Если это немцы, то... – командующий внимательно посмотрел на офицеров.

—Я бы не рискнул.

—Я бы тоже, – согласился приезжий в штатском.

Головко прошёлся по своему небольшому кабинету, прикидывая расклад и последствия.

—Ничего не меняем. Я пошлю запрос в Москву, пока там войдут в курс дела, потребуют уточнений... . Ничего менять не будем. А вот бурную деятельность создать нужно. И этого гада найти следует. Это уже по твоей части Иван Васильевич. Всех на уши поставь, а радистов найди. Свободны оба.

Контр-адмирал закурил и, пуская дым кольцами в потолок, задумчиво смотрел в окно и улыбался.

Кто сказал, что командующие флотом не улыбаются?

А если тебе всего тридцать пять и всё Заполярье на твоих плечах. Тут не до смеха.

А улыбаться? Можно! Только чему?

Август сорок первого был жарким, солнце светило, как оглашённое и ни одного дождя, а вот за час до полуночи небо затянуло чёрными грозowymi тучами, пошёл мелкий и противный дождь, а вот волнения на море не было. Полный штиль.

—Везёт лейтенанту, погода лучше и не нужно, – Платов вместе с командующим напряжённо всматривались в водную гладь Кольского залива, находясь на наблюдательном пункте, на самой верхотуре сопки.

—Не каркай, – парировал адмирал, – у самого сердце не на месте.

Здесь же был и «москвич», товарищ их органов был далеко не дурак и всё понимал: «Если, что то пойдёт не так, то с него тоже спросят, может, даже больше чем с флотских».

Куксенко, как и положено комдиву, принял рапорт Малышева, пожал руку и неожиданно спросил:

—Серёга, а как ты к поросю относишься?

—В каком смысле, – не понял лейтенант, потому что думал о предстоящем выходе, а уж не о какой-то там свинье.

—Адмирал пообещал, что когда вернётесь, он пришлёт в подарок, жареного поросёнка.

Комдив мечтательно потянул носом воздух, представляя

запах жареного поросся.

—А водка будет? – деловым тоном поинтересовался боцман.

—Фадееч, кончай трёп. Водки не будет, будет спирт. Давай быстро на борт. Время.

Малышев в момент привёл в должное состояние разыгравшиеся фантазии боцмана.

Фадееч был, в общем-то, мужик неплохой, вот только трепач знатный. Мог часами заливать, без зазрения совести.

Все, кто его слушал, понимали, что он врёт, но врал Карнаухов красиво, задушевно и совсем без злобы.

—Ну, бывай командир, нам пора. Боцман поднять якорь. Отдать концы. Стёпа заводи моторы.

Рокот прогреваемых двигателей поплыл над поверхностью залива. Дождь усилился, превратившись в сплошную пелену. Катер выходил на старт. До начала минного огорода оставались считанные десятки метров.

– Полный вперёд, – Малышев стоял сам у манипуляторов и по привычке отдавал сам себе команды и сам же их и выполнял.

Ручка газа плавно пошла вверх, и обороты вышли на предел.

– Форсаж.

Стрелка тахометра качнувшись, упёрлась с ограничительную планку. Нос катера поднялся над водной поверхностью, и он сам в пене и брызгах, рассекая морскую гладь

пролива, рванулся к выходу как обезумевший джин из пивной бутылки, в которую случайно плеснули первач.

За кормой грохнуло раз, потом ещё раз, ещё и ещё – мины рвались, чётко отмечая место, где был катер несколько мгновений назад.

От такого грохота и воя моторов, работающих на форсаже – на пределе своих сил, проснулась бы вся преисподняя, а не только фрицы на эсминцах.

Но тут ожили батареи на сопках и море залива закипело от железа, мины уже рвались повсюду, а Куксенко выведя катера на рейд врубил моторы на полную мощь.

Разобраться в этом гвалте и шуме было трудно, но это только первые мгновения, а потом немцы разберутся и все расставят по полочкам, но важны были именно эти первые мгновения и, похоже, Малышев их выиграл.

Катер прошёл минное поле и направился к выходу в Океан и в этот момент госпожа Удача, вильнув попкой, удрала по своим, только ей самой ведомым делам, оставив Сергея одного.

Дождь прекратился, тучи разлетелись, а луна засияла во всей своей красе, осветив водную гладь, получше любого фонаря.

Выход из пролива перегораживали два, рядом стоящих эсминца, и они прекрасно видели русский катер. Хищные орудия уже опускали свои хоботы, готовясь плюнуть свинцом и сталью.

Настал Момент Истины. Немцы тоже умели читать лодию, и они прекрасно знали, что единственный фарватер проходит по проливу Торос. А вот между островами, что справа – мель и пройти её невозможно.

А вот сразу за мелководьем глубина, скалы полукругом – идеальное место для засады, ежели, кто попытается выйти из залива.

Но всё это правильно для тех, кто «понаехали тут», а вот для местных, есть ещё и приливы с отливами, которые банку, если и не уберут, то точно притопить могут.

Для катера, что идёт на форсаже, с поднятым носом и ободраным, что та липка в лесу, мель не помеха вовсе.

А потому Серёга Малышев, круто переложив руль вправо и завалив катер набок, укрылся от огня фрицев, войдя в пролив.

Эсминцы его попросту потеряли из вида – слышать шум движков, они, конечно, слышали, но остров закрыл им всю видимость.

«А как же немецкий сторожевик, что в засаде стоял?» – спросите вы. И будете совершенно правы.

Но весь «фокус» состоял в том, что немец прекрасно знал, что со стороны пролива к нему не подобраться. И он, вообще-то, «охотник», и «дичь» обязана, как и подобает порядочному зайцу бежать прочь, а не нападать. Да и орудия были направлены в сторону залива.

И вот представьте себе состояние командира немецкой

посудины, когда прямо на него летит на форсаже русский торпедный катер с двумя торпедами. Ну, он же не знает, что их нет, а вот то, что и одной такой «дуры» достаточно, чтобы отправить его корыто к морскому царю в гости знает точно.

Представили?

Ну и, что, по-вашему, он должен делать, когда счёт пошёл уже на секунды?

Правильно! Гер капитан командовал:

« Полный вперёд», – стараясь уйти из-под атаки этого сумасшедшего.

А впереди по курсу камни. А дальше всё понятно и без слов – скрежет металла о скалы, пролом днища ниже ватерлинии и уже не до русского, тут бы сигнал SOS подать успеть, паника, давка.

А катер Малышева, круто отвернув влево, ушёл от тарана и сбросил скорость.

А тут и Удача, видимо, вспомнив о нём, спешно закрыла желтоглазую красотку покровом туч и вновь хлынул дождь.

Океанская волна с размаху смачно ударила катер в левую скулу, но он уже погасил скорость и ложился на заданный курс, прорвав блокаду. Капитан торпедного катера

ТКА-267, выходил в Океан, до randevу с разведгруппой оставалось четыре часа.

До места встречи добрались быстро, вошли в бухточку и бросили якорь. Ждать и догонять, как утверждают знающие

люди, самое последнее дело.

А загорать пришлось долго. В назначенное время группа разведчиком не пришла.

— Командир пора уходить, — напомнил Фадеич, тревожно всматриваясь в пролом между скалами.

Где-то поблизости был враг. И его присутствие не добавляло оптимизма.

— Подождём, время ещё есть.

Рядом с бухточкой проходил фарватер и, учитывая, что немцы готовились к наступлению, движение судов было более чем интенсивное и если кому-то приспичит войти в бухточку то, со стороны моря катер был как на ладони, хоть и стоял в тени прибрежных скал.

По фарватеру прошёл транспорт, тархтя движком, эсминец, пара катеров, ещё какая-то лайба.

— Командир, пора, — снова напомнил боцман, — скоро рассвет, а по видимому раскатают нас фрицы в блинчик, как бог ту черепаху.

— Стёпа, заводи, Фадеич поднимай якорь.

Катер, взревев моторами, пошёл на разворот. И в этот момент грохнул взрыв от гранаты, потом ещё громыхнуло и треск выстрелов. Кто-то прорывался к берегу.

Описав циркуляцию и вырубив фрикции катер, вернее, всё то, что от него осталось, ревя обоими моторами, мягко ткнулся носом о прибрежную гальку.

На пяточок берега выбежали двое и, не раздумывая, во

весь оппор припустили к катеру. В глубине пролома громыхнуло ещё пару раз и появился третий разведчик, припадая на левую ногу.

До борта оставалось не более десяти шагов, когда Фадеич, открыл огонь из своего ППШ, по выскочившим из пролома фрицам. Две пары рук подхватили диверсанта и «торпедоносец», рывком отпрыгнул назад, врубив реверс.

—Нашумели, – недовольно ворчал Фадеич, размещая «гостей» на корме .

«Да нашумели, – мысленно согласился с ним командир, – и радио у них, наверняка, тоже имеется».

Небо на востоке полыхало красным, что, в общем-то, радовало, но это в перспективе. Катер вышел на фарватер, когда из предрассветной мути и тумана появилась морда вражеского эсминца.

«А второй наверняка где-то рядом» – подумал Сергей, понимая, что его видят и сейчас превратят в решето, не особенно-то и церемонясь, а может быть, попытаются захватить в плен, прижав к берегу».

Мозг думал, ища выход, глаза видели, а руки делами. В дело вступали рефлексy – молодой был, жить хотелось.

Ручка газа пошла вверх – мотор взревел, выходя на полные обороты, тумблер – режим форсажа, стрелка тахометра упёрлась в ограничитель, руль до упора влево.

Катер всем корпусом лёг набок, превращаясь в великолепную мишень для обстрела – комендоры, сидящие за

штурвалами скорострельных пушек, аж прослезились от такого подарка и пальцы потянулись к гашетке, но русский катер выровняв корпус снова лёг, но на этот раз на правый борт.

Стальной смерч хлестнул рядом, чуть задев корпус.

—Командир, пробит трубопровод, – доложил моторист.

—Держать обороты, любой ценой. Держать!

Катер снова ложился на левый борт, петляя как заяц.

Впереди, прямо по курсу движения замаячил остров.

Командир эсминца крутым разворотом влево, шёл по фарватеру вдогонку, прижимая русского капитана к берегу, прекрасно понимая, что ему всё равно не уйти.

—Ну что же это даже интересно. Не стрелять! Он уже в капкане.

Пройдя в радиорубку, капитан эсминца связался со своим ведомым, таким же кораблём берегового охранения:

—Гюнтер! Это Ганс стань на «номер». Я сейчас погоню русский катер на тебя. Пусть парни попрактикуются в стрельбе по кабанчику.

Оба командира были заядлые охотники и понимали друг друга без лишних объяснений.

А в это время Степан Котов голыми руками зажимал резиновым пластырем пробойну в патрубке водяного охлаждения правого двигателя, фонтаны кипятка били между пальцев. Фадеич, конечно, спешил, но не так-то легко и удобно в тесноте моторного отсека наложить заплатку, а потом ещё и

закрепить её, дважды обмотав мягкой и прочной вязальной проволокой.

—Всё Стёпа, всё, бросай.

Степан со стоном отвалился к стенке отсека, потеряв сознание. Ход был сохранён. Он своё дело сделал, теперь вся надежда на капитана.

Впереди по курсу появился небольшой островок, обогнув который «кабанчик» выходил на «номер», где его уже дожидался «охотник» держа в полной боевой готовности весь свой огневой арсенал.

Окончательно рассвело, небо было по-прежнему затянуто тучами, дождь усилился, волнение не более двух баллов, а может и того меньше. Шансов на спасение у русских не было, это отлично понимали все участники «охоты».

Вот только «егеря» были заезжие, а «кабан» местный — тутошний, и к тому же наглый до невозможности и помирать он категорически не желал.

Круто заложив правый поворот, торпедный катер пошёл на таран. Только таранить он собрался не немца, что выглядело хоть и глупо, но вполне логично, а скалу, чёрная громада которой вертикально выходила прямо из воды.

Гюнтер, стоя на ходовом мостике, пялился в бинокль и не верил своим глазам.

Русский капитан, выжимая из моторов всё, что можно из них выжать, выровняв корпус и подняв нос, мчался прямо на скалу, круто уходя вправо, прикрывшись островком.

Командир разведчиков перебрался, к Малышеву. Степана вытащили из моторного отсека и заботливо уложили на корме под наблюдением молодого парня с физиономией столичного интеллигента.

— Пусть ветерком продует, — распорядился боцман, — присмотри за ним.

Фадеич вернулся в моторный отсек, прихватив с собой одного из разведчиков.

— Гранаты есть? — Малышев обращался к командиру диверсантов, не отрываясь от манипуляторов управления.

— Есть?!

— Сколько?

— Четыре, а что?

— По моей команде бросай на скалы.

Вообще то следовало спросить : «Зачем?», но времени на расспросы просто не оставалось. Четыре кольца полетели за борт, а «лимонки», удерживаемые скобой, остались в руках офицера.

Эсминец, отвернув вправо, огибал островок, а безумный катер русского капитана, на несколько мгновений пропал из вида, ревя моторами. До столкновения со скалой оставались секунды, и уйти от тарана каменной громады он просто не смог бы.

Раздался взрыв. Столб огня и дыма, взвился вертикально вверх, звук двигателя пропал. Наступила тишина.

Войдя в пролив между островком и чёрными скалами,

Гюнтер оказался в том месте, где он последний раз видел русского.

Катер исчез, как будто его и не бывало.

—Внимательно осмотрите всё вокруг, – команда была отдана разве, что для порядка, потому что сигнальщики и так смотрели «в оба», внимательно обшаривая цейсовской оптикой каждый подозрительный бугорок в прибрежных скалах, включая неизвестный островок. – Акустик?

—Господин капитан шумов нет, – доложили оба «слушача».

—Странно, куда же он мог деться? – вопрос к вахтенному офицеру остался без ответа. – Самый малый вперёд!

Эсминец осторожно приблизился к берегу. Островок просматривался насквозь, прибрежные скалы стояли сплошной стеной, не было даже намёка на какой-либо пролом.

—Акустик, когда исчез шум винтов русского катера?

—В момент взрыва, господин капитан.

—Радист! Связь!

Через три четверти часа оба эсминца береговой охраны внимательно осматривали место исчезновения этого сумасшедшего капитана.

—Ну и куда он мог подеваться? На острове его нет, кругом скалы?!

—Я думаю, что русский сейчас дожидается приёма в очереди у Создателя, – пошутил голос Гюнтера в репродукторе громкой связи, – мой акустик ничего не слышит. А твой?

—Странно всё это, но пожалуй, ты прав. Хорошо, следуем на базу. Пристраивайся ко мне в кильватер, дистанция три кабельтовых.

Описав циркуляцию, оба эсминца, следуя друг за другом, обогнув островок, скрылись за горизонтом.

Окончательно рассвело, солнце улыбнулось новому дню, а дождь совсем прекратился.

После окончания Краснодарского Политеха я получил распределение на Компрессорный завод, в ремонтно-монтажный цех, мастером, а потом и до начальника дослужился.

Правда, на этом отрезке жизненного пути пришлось помотаться по стране, от Сургута до Калининграда.

И вот однажды в Одессе произошла встреча, которая и зародила идею написания этой книги, которая сейчас лежит перед вами.

Был у нас в бригаде «дед» – Шибко Виктор Григорьевич. Монтировали мы с ним станки, портовые краны, и целые заводы тоже монтировали. Пришлось мне помотаться по Великой, Могучей и Необъятной.

О том, что «дед» был фронтовиком, знали многие. А вот разговорить его, было делом трудным, почти что безнадежным.

В те времена автомобиль был ещё роскошью – мало было «железных коней» у простых работяг, а потому после смены или «по поводу», могли мы себе позволить выпить пивка

или, «что покрепче».

Это особым грехом не считалось – всё равно «руля» ни у кого не было, а хмель до завтра выветрится. Сам грешен, пару раз приходил домой «на бровях».

Витя, как нередко называли Шибко тоже мог хряпнуть поллитровку на троих и поговорить и душу раскрыть, но вот о войне ни разу никто даже и не слышал от него ни слова.

Парторг завода к «деду» имел особое расположение, потому как сам был фронтовик, а когда на проходной вывесили стенд «Они защищали Родину» все, кто знал Виктора Григорьевича, честно говоря попросту офигели.

Наш Григорьевич имел: два «Ордена Славы», «Красную звезду», «Отечественную войну третьей степени» и медалей с десяток. Между прочем две «За отвагу» и одна «За боевые заслуги». Вот такой иконостас, и всю войну в разведке.

В середине восьмидесятых направило нас, наше предприятие, в Одессу. Помогали мы устанавливать портовое оборудование.

Закончив наладку двадцатитонного крана, бригада уехала домой, ещё в полдень, а мы с «дедом» должны были отправиться восвояси «утреней лошадью». Ну в смысле на поезде.

Вечер был свободен и мы, взяв такси, направились к «Дюку». Я просто мечтал стать на крышку знаменитого люка и увидеть ну «это самое» у Дюка.

Молод был – двадцать третий год всего. А тут такой слу-

чай представился. По лестнице князя Таврического, Григория свет Александровича, я уже пару раз пробежался. Теперь решительным шагом, шествовал к господину Решилье.

Одесса город, конечно, большой, но вот говорят у «люка» сходятся все дороги и встречаются там те, с кем встретиться ну никак не ожидаешь.

—Витя! Ты? – удивлённый возглас за спиной не произвёл на меня никакого впечатления, потому что я во все глаза смотрел на «это самое», ну в смысле свиток знаменитого градоправителя «жемчужины у моря».

А вот «дед» изменился, рывком повернулся и уже через минуту два немолодых человека устремились друг к другу. Они удивлённо смотрели друг на друга, и было понятно, что встретиться эти двое, ну ни как ни рассчитывали.

—Степан?! Откуда? Живой чертяка! Сколько лет, – выдал из себя Григорьевич и мужчины снова обнялись. Оба плакали.

Народ и не особенно-то и удивлялся. Здесь такое видели каждый день, а то и по несколько раз.

В тот вечером мы, поломав все планы, завалились в кабачок «Два Карла». Как выяснилось позже, название сей ресторации происходит от типичного одесского юмора – заведение располагалось на пересечении улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта.

Степана здесь знали и наверняка уважали. Сразу при нашем появлении, без лишних вопросов нас усадили на самое

лучшее место – у окна и ещё и шторочкой завесили, чтоб ни одна чужая морда не посмела даже и близко подойти к «дедушкам», пока они, выпив, закусив, и снова опорожнив стакан, вспоминали свою молодость.

Я сидел рядом, слушал и потихоньку ощущал, как глаза мои вылезали из орбит от всего услышанного.

К концу вечера старички уже основательно нагрузились, а вот я, напротив, был «ни в одном глазу». Самое обидное было в том, что отлично понимал, что о том, что только что услышал, ни смогу поведать ни одной живой душе – просто никто не поверит. Да и рассказать, обо всём, что я узнал, честно говоря, духу не хватит.

Грохот взрыва гранат и тишина остановившегося мотора сменился хрустом веток, шумом листвы и треском каркаса боевой рубки. Всё, что не сняли на базе, было сметено жёсткой метлой из веток, палок и листьев.

Катер на полном ходу влетел в довольно узкий пролом в скалах, заросший вековым лесом. Малышев и командир разведчиков успели нырнуть в углубление корпуса и зелёная метла, пройдясь по палубе, смела всё, что можно было смети.

Ручки управления, приборы, компас были вырваны смяты и выплюнуты за борт.

Катер летел напролом сквозь зелёный коридор, не разбирая дороги, теряя скорость и людей, находящихся на палубе.

Наконец, всё это закончилось, и он закачался на водной поверхности, окружённый тишиной и спокойствием.

Бухточка, в которой оказался небольшой отряд моряков и разведчиков, была метров сто в диаметре и имела овальную вытянутую форму. Отвесные скалы каменным забором окружали водоём, и он больше напоминал колодец, который кто-то вырыл среди гранитных громад.

Говоря о том, что все, кто был на палубе были сметены, это я, конечно, преувеличил, потому что Степан успел уцепиться за скобу торпедного ложемент, оставшуюся после демонтажа.

Зеленная метла, частично сорвав с него одежду, исцарапав тело, тем не менее, за борт его не скинула. А вот молодой разведчик бултыхался в воде.

— Не утонет? — поинтересовался Малышев, сбрасывая с себя листья, сучья и бранные остатки рубки.

— Ни черта с ним не станется, выплывет. Меня, кстати, Андреем кличут.

— Сергей, — Малышев протянул руку, — а его? — кивок в сторону разведчика, оказавшегося за бортом.

— Витя. Хороший парень, только, кажись, пару годков себе приписал, да это не страшно.

Виктор действительно грёб и не скулил к небольшой отмели, покрытой мелкой галькой.

— Фадеич, у нас есть багор?

— А как же без него. — боцман уже доставал добротный

шест, сделанный по уставу, покрашенный и наточенный на совесть.

—Правь к отмели, куда гребёт вон тот юноша, по пути подберём, если, конечно, не утопнет.

Бренные остатки, красоты и гордости отряда торпедных катеров Северного флота, ведомые опытной рукой боцмана направились к вышеупомянутому пяточку суши.

Подбирать по пути никого не пришлось, по той причине, что разведчик прибыл туда даже раньше и сейчас его зубы активно выбивали чечётку от холода.

Швартовка произошла удачно. Нос катера выволокли на берег, а брошенный якорь, надёжно закрепил корму, на небольшом пятачке суши, окружённой гранитными скалами.

Мышеловка захлопнулась, мышка сидела и ждала кошку, а хвостатая зверюга в это время искала саму мышеловку, вернее, она даже не догадывалась о её существовании.

Капитан на корабле – первый человек после бога, а потому Малышев просто взял командование на себя, взвалив на свою совесть весь груз ответственности.

—Андрей, бери бойцов и двигайте вон к тому валуну. Там замаскируйтесь и ведите наблюдение. Смены не будет, так что ты уж выкручивайся сам. Возьми немного еды и воды, в случае чего дашь знак. Выполняйте.

Разведчики, прихватив один из своих сидоров, направились к указанному НП.

– Фадеич и ты Стёпа, начинаем ремонт. К утру нужно за-

кончить.

—Всё понятно командир, а вдруг немцы найдут вход к нам, — боцман внимательно смотрел на лейтенанта, Степан тоже.

Если бы Малышев стал их уверять, что вход в бухточку найти невозможно и они в полной безопасности, вот тогда ему не поверили бы точно. Но лейтенант просто усмехнулся и будничным голосом, как о самом обычном, заявил:

—Не найдут, там хитрая иллюзия имеется, рядом пройдёшь, а вход не увидишь, так что будьте покойны и не шумите, а всё остальное и без нас здешние духи сделают. Место тут заговорённое. Чужих не пустит.

—А мы, что свои?

—Я — свой, и этого пока что достаточно. Ну, хватит молоть воду в ступе, за работу. Фадеич возьми ключи и инструменты. Пора.

Весь день и ночь, троица пахала без перекура и перерыва на "пожрать", вернее, работали двое, Степан только советовал, потому что когда руки в бинтах и боль отдаётся во всём теле, много не послесаришь.

В четыре утра, упёршись, баграми о каменистое дно, начали выход из «мышеловки» и уже через полчаса катер вышел из теснины скал на чистую воду.

Светила полная луна, Удача, кажется, снова улизнула по своим делам, но дольше оставаться здесь было нельзя, вода и провизия закончились. Фарватер был пуст, Океан лежал

перед ними. Компас восстановить не получилось, но Сергей и без него в полный штиль смог бы найти дорогу.

—Фадеич, заводи моторы.

Оба двигателя, чихнув пару раз для приличия, запели свою песнь, быстро прогреваясь.

Берег отпрыгнул и стал медленно удаляться.

—Степан смотри! – молодой разведчик, которого разместили на корме, схватив одной рукой фуфайку моториста, другой указывал на чёрную скалу, от которой только, что отвалило из судёнышко.

Двигатель продолжал работать, но катер стоял на месте как вкопанный. Все, кто был на палубе и в рубке, неотрывно смотрели на скалу. Боцман ничего не понимая выглянул из трюмного отсека и тоже глядел и не верил своим глазам.

В свете полной луны на верхушке скалы был чётко виден барельеф, вырезанный искусной рукой неизвестного камнетёса.

Сам барельеф был не меньше полутора метров в окружности:

На капитанском мостике неизвестного парусника были вырезаны объёмные фигуры двух человек :

Один, который на переднем плане был молод, не более двадцати лет, на голове широкая шляпа с плюмажем. Перевязь от шпаги пересекала его грудь, в левой руке он держал подзорную трубу, а правой ухватился за парапет мостика. Глаза Капитана были устремлены в сторону бушующего

Океана.

А вот второй ! Второй была женщина. Она стояла рядом, чуть сзади, касаясь правой рукой плеча мужчины. Высокая статная, молодая, невероятно красивая с золотыми локонами, которые спадали на крутые, налитые здоровьем и силой плечи. Её взгляд был устремлён в ту же сторону.

Барельеф вдруг закачался и, отделившись от скалы, поплыл по воздуху в лунном свете. Это было так необычно и неправильно, что поверить в увиденное было решительно невозможно.

Каменное лицо Капитана повернулось в сторону невольных свидетелей, и Ужас сковал сердца всех, кто был на верхней палубе.

Неожиданно набежавшая тучка скрыла желтоглазую и, барельеф исчез. Мотор взревел, выходя на форсаж, неведомая рука отпустила судёнышко, и торпедный катер совершив прыжок, умчался в сторону Океана.

Четверть часа все, кто был на борту молчали, было понятно, что никому ничего не почудилось. Все, всё, видели, вот только поверить, а тем паче рассказать об увиденном ими, было решительно невозможно. Стать посмешищем и трепачом – малоприятная перспектива.

—А ничего и не было Стёпа, – моргая и укрываясь от морских брызг и встречного напора ветра, пролепетал разведчик.

Степан кашлянул. Усмехнулся:

—Было Витя, всё было. Вот только нужно об этом забыть поскорее и не вспоминать, от греха подальше .

Встреча с чертовщиной ничего хорошего не сулила, уж это он знал отлично, не первый год на флоте.

И , как оказалось, в дальнейшем, был абсолютно прав.

Утром катер швартовался на причале в Гранитном, где их уже ждали.

—Что было дальше?

—А ничего хорошего, самолётом в Ленинград и в особый отдел. Через пару дней выяснилось, что тот портфель с документами, что отбили у немцев – липа. А мы сами были фрицами завербованы. Никакой бухточки, где мы с вами прятались, нет и быть не может, а отсиживались мы у немцев на эсминце, где нам портфель и вручили. Между прочим, мне твоё собственноручное признание показывали.

—Так, я же писать не мог! У меня руки обварены были, ты же сам видел!

—Видел Стёпа, всё видел. Я такое видел, что и вспоминать не хочется.

—Понятно! А потом?

—А что потом?! Расстрел заменили штрафбатом и на передовую, в разведку. Москва, Ржев. Из нашей роты трое осталось, остальные все полегли. Ранения, контузии, госпиталя, но до «логова» я всё-таки дошёл, там и войну закончил. А ты, как?

—Да то же самое. Только у меня гангрена началась, я ничего не помню. Оклемаюсь в госпитале. Думал без рук останусь. Повезло — выкарабкался, так в Ленинграде и блокаду встретил.

На завод направили — мотористом, сам знаешь специалистов по двигунам, днём с огнём не сыщешь. Но что-то в личном деле написали такого, что от меня, как от чумного люди шарахались.

Как город освободили, хищение на заводе случилось, в соседнем цеху. Ну, меня и забрали. Дали десятку и в Магадан, там с братвой и сошёлся.

Воровал, сидел, опять воровал, был в авторитете. Сейчас вот завязал. Женился. Работаю. На судоремонтном заводе мотористом.

Выпили они по полной, не чокаясь и не закусывая. Пили, между прочим, чистый спирт. Степан сам предложил, а «дед» согласился.

—А ты знаешь Витя, я ведь ещё тогда, в море, когда ты меня на фуфайку хватал, знал, что этим всё и закончится. Место там нехорошее. Лейтенант наш, ещё как катер чинили, говорил, что если бы не эсминец, он ни в жизнь туда, ни ногой.

—А что с ним стало?

—Думаю, что шлёпнули, как и твоего командира. А ты знаешь я того капитана, ну который на скале, потом видел, не живого конечно. Закрою глаза и вижу, как он голову ко мне

поворачивает и смотрит прямо в глаза.

—Я тоже видел. Помнить буду до конца своих дней. Вот только никому не говорил. Особист, когда я ему про бухту, где мы прятались рассказал, нагло так рассмеялся и говорит: «Ты сволочь продажная, брехни про Аладинову пещеру другим заливай, я таких сказочником сотню раз видел и слышал столько же. Все вы твари продажные, горазды заливать».

Вечер пролетел незаметно и если дедушки всё же упились и с почётом были препровождены в апартаменты. Кстати, в этом же заведении, только на верхнем этаже. Я был, трезв «как стёклышко». А утром мы уехали в Краснодар.

Время неумолимо бежит, я на пенсии, «деда» давно уже нет, Степана-моториста думаю тоже.

А вот та история которую услышал, схватила меня мёртвой хваткой. Я тоже иногда вижу того капитана и его каменный взгляд не даёт мне покоя.

Ещё работая, решил написать книгу и написал: «Тень в тени трона» называется. Сам не ожидал, что она так понравится читателям. Напечатали. Просили написать продолжение.

Появились поклонники, даже свою страничка «ВКонтакте» завёл. Сын Алексей помог, растолковал, что и как, подкинул идею.

Я решил попробовать, – написал о барельефе и попросил прислать мне, любые сведения о капитане том или о бухточ-

ке, где катер прятался от немцев.

Полгода ни строчки, ни ответа. Никто даже ничего не слышал. И вот 5 марта 2019 года мне на почту пришло письмо.

Я его открыл и увидел фотографию барельефа при полной луне и фото той самой бухточки.

Теперь у меня в руках была ниточка, да что там ниточка – целый канат, я точно знал, что всё это не выдумка фронтовиков, понимал, где и как искать, а времени у пенсионера много и отпрашиваться ни у кого, кроме собственной жены, не нужно.

Опущу подробности. Перед вами книга, которую я хотел написать ещё тридцать пять лет назад.

Скажу без лишней скромности, книга удалась. Думаю, что Булгаков Михаил Афанасьевич, вместе с Алексеем Николаевичем, который Толстой, наверняка нервно курят в сторонке, завидуя коллеге по перу. Всё может быть.

Как сказал один англичанин: «Господа, прошу вас, не стреляйте в пианиста – он играет, как умеет». Ну, в смысле:

« Не стреляйте в бесталанных. Намного приятней пальнуть в талантливых представителей рода человеческого».

В Пушкина , например, стреляли двенадцать раз, в Лермонтова и того больше.

Но, шутки в сторону господа читатели!!!

Представьте, что у вас в руках пистолет и пуля уже в стволе. Представили? Хорошо! А теперь – стреляйте господа,

стреляйте!!

Глава 1

Капитан

Вот спрашивается: « Как, по-вашему, должен уходить в плавание корабль, загруженный дорогим и ценным товаром, да к тому же если его экипаж точно знает, что их ждут и готовы взять на abordаж, ограбить и пустить на корм рыбам?».

– Торжественно, с толпой провожающих. Слезы, сопли, вой покинутых любовниц, шпионы, тайно отправляющие почтовых птиц? – наверное, подумали вы.

Фигушки! Такие корабли уходят тихо в предрассветном тумане, когда город ещё спит и в порту слышны только отбиваемые склянки на стоящих рядом судах.

Выходя из Амстердама, шнява «Алмаз» Григория Строганова рисковала не только деньгами первого богатея России.

Команда из семидесяти помор и ещё трёх десятков прибывших французов, испанцев и прочего иноземного люда рисковала своей шкурой – жизнью своей рисковала. Да и денежки, в сундуке, стоящем в каюте капитана оптимизма никому не добавляли.

Шведы даже и не скрывали того, что будут топить всех русских, которые только попробуют сунуть свой нос в Евро-

пу.

И топили гады. Из трёх кораблей, вышедших из Архангельска, только один «Алмаз» сумел прорвать блокаду, устроенную цивилизованными европейскими разбойниками. Остальные были взяты на абордаж и что случилось с экипажами, только одному богу известно. Был слух, что всех, кто выжил после абордажа, попросту погрузили в лодку, и пустили на волю ветра и волн, даже не дав вёсел – это так цивилизовано, по-европейски.

После прорыва в Амстердам. «Алмаз», сгрузив товар, обратно так и не вышел.

Команда шнявы, промаявшись полгода в Амстердаме, уже собрались пуститься в бега домой, бросив судно.

Поморы крепостными никогда не были и, плевать они хотели на Строгановские угрозы. Сходить в гости к морскому царю охотников было мало – дома в Архангельске ждали матери, а кого и жёны с кучей ребятни.

Бросать шняву – небольшое, но добротное сработанное судно, имеющее три мачты с прямыми парусами и бушприт, под которым располагалась здоровая грудастая деревянная бабища, сработанная мастером Прошкой Елагиным на верфи в Беломоре, было откровенно жаль. Но идти на убой, на заведомую гибель тоже никому не хотелось.

Вот и разбегались потихоньку: кто домой по суше, через половину Европы, а кто и на голландские или английские корабли нанимался.

Как долго это продолжалось бы, было решительно непонятно. Наверное, вскоре вся команда «Алмаза» тишком сосалась бы, оставив судно на пирсе, но жизнь распорядилась по-другому .

Всё началось с того, что утром на борт поднялся приказчик Дениска Мосолов, человек неглупый из поморов, служивший Строгановым уже почитай второй десяток лет, в сопровождении невысокого молодого человека в недорогом, но добротном иноземном кафтане . По тому, как легко незнакомец поднялся на борт шнявы, чувствовалась хватка опытного моряка.

На вид ему было лет двадцать, может, меньше. Но ловкость и стремительность, с которой он двигался, властность во взгляде и манерах выдавали в нём человека привыкшего отдавать приказы и не терпевшего возражения.

Команде «Алмаза», собравшейся на верхней палубе, приказчик, особо не чинясь, по-быстрому представил прибывшего с ним молодца:

– Парни! Скоро вам домой в Архангельск идти. Вот – Мосолов указал взглядом на юношу, стоящего за его спиной, – хочу представить вам вашего нового капитана. Человек он молодой, но морское дело знает хорошо. С ним и домой пойдёте.

– А мне куда теперича, податься? – поинтересовался мужчина крепкого телосложения, с лысым, как коленка черепом и чёрным от загара лицом.

Широкий, отливающий синевой шрам от сабельного удара, уродовал его загорелую рожу, придавая классические черты злодея из ближайшей подворотни.

После того как бывший капитан смылся со шнявы, прихватив с собой десяток не самых плохих моряков, Хромов будучи квартирмейстером и первым помощником капитана заступил на его место.

Рост мужчины был выше среднего и в плечах он напоминал тот самый знаменитый славянский шкаф. И нет ничего удивительного, что при встрече с таким типом в тёмном месте у любого смертного, невольно возникало желание отдать всё, что есть, включая исподнюю рубашку и молиться о спасении души «раба божьего».

– А тебе Осип Тимофеевич, быть у меня помощником, на время перехода, а там видно будет, – распорядился новый капитан.

Прибывший юноша был ростом чуток ниже Хромова, уступал в ширине плеч, но весёлые черты так явственно плясали в его тёмных глазах, что возразить бывший квартирмейстер не решился.

Испугался?! Нет. Просто привык подчиняться, да и наглая уверенность юнца подкупала.

Вероятно, у Мосолова были другие планы, относительно Осипа, но встретив взгляд капитана, присланного самим Хозяином, спорить он не стал.

Не прошло и четверти часа, как Мосолов укатил с при-

стани.

Управление «Алмазом», перешло в руки Александра Вельбоу – француза, с нерусской мордой, свободно говорящего по-нашему и крившего российским матом вперемежку с голландским «портовым жаргоном» так, что уши в трубочку заворачивались, но всё по делу и без обид.

Капитана невзлюбили сразу. И было за что – ну кому спрашивается охота пупок рвать, когда можно просто полежать в тенёчке или сходить в город поглазеть на «немцев» или завалиться в кабак – денежки Строганов платил, хоть и не особо и много.

Шипели в бороду, что та гадюка, которой прищемили хвост, матерились тишком, но выполняли все распоряжения. Особо языкастых выпороли прямо на палубе, заковали в железо и спустили в трюм, качать воду, гонять крыс и конопатить щели.

Помпы извлекли на свет божий и началась каторга. Откачиваемая вода, воняла так мерзко, что серые хвостатые твари с рядом стоящей «иностранной» посуды с воем, зажимая носы, разбегались по щелям. А голландский капитан, возмущившись несусветной вонью, был послан, кстати, на чистейшем нижнесаксонском матерном сленге, так далеко и в точно указанное место, что, вытаращив глаза, сел толстой задницей на палубу своего флота и долго хлопал губами, что та рыба окунь.

Застучали топоры и колотушки, команда судового плот-

ника, была поднята на ноги и начала приводить в порядок такелаж.

О «французе» заговорили в этот же вечер в портовых кабаках и борделях. Как оказалось, он был действительно личностью занимательной и невольно внушал уважение, ну если не он сам, то его родителя знали превосходно.

А тем временем кошмар, этакий мини-филиал ада, на «Алмазе» продолжился, да собственно и не прерывался вообще.

Команда, возглавляемая боцманом кряхтя и охая взбиралась на мачты и подобно тараканам расплзлась по реям и стеньгам, приводя в порядок такелаж, гики, тали, блоки, полиспасты и прочую судовую амуницию. От умения и сноровки именно этих людей зависела жизнь всего экипажа.

Когда ветер рвёт паруса, а дождь хлещет, заливая глаза, реи напоминают каток, а корабль так и норовит подставить борт под волну, именно эти люди заставляют неповоротливую шняву порхать как легкокрылая бабочка по гребням морских валов. Они же первыми и погибают в пучине океана при падении с высоты, когда ноги скользят, а пальцы уже не гнутся от холода и нечеловеческого напряжения.

К вечеру ладони людей покрылись волдырями, тело синяками от ушибов и падений, жирок, накопленный за время простоя, в ужасе покидал брненное тело..

Всем в одночасье стало ясно, что с таким Капитаном можно выйти не то что в море, а к самому чёрту в пасть:

«Один хрен жрать не станет – подавится».

Утром следующего дня сюрпризы не кончились. Наоборот – они начались. На причал прибыло человек с полусотни, разного иностранного люда с инструментами и трубками в зубах.

Трубки, правда, вскорости прибывшим «немцам» пришлось засунуть себе в карман, потому как Капитан пообещал запихнуть их самим владельцам курительных приспособлений в место пониже талии, сзади естественно. А по горящим глазам и откровенно бандитскому виду лысого верзилы, стоящего рядом с ним, всё именно так и произошло бы.

«Немцами» на Руси издавна называли иностранцев, так что среди прибывшего иноземного люда германцев почитай и не было вовсе – в основном французы и испанцы.

«Хранцузы» мать ихнюю за ногу, принялись за работу с не меньшим рвением, чем московиты, ругаясь и шипя по-своему.

Халтурить не получалось – «русский капитан» вникал в каждую мелочь и, похоже, что знал и умел делать не хуже самих мастеров. Это невольно вызывало уважение. Теперь уже русские «лѐ кон» кряхтя отругивались:

«Что немчура, халтура не прошла?! Так-то мы вам ещё покажем, как хрен с редькой жрать нужно», – команда невольно гордилась «своим шкипером».

– Капитан, похоже, парни вас зауважали, – усмехнувшись в бороду, заметил Осип, – у меня такого не получалось, хотя,

я на море почитаю всю жизнь, а вот пойдёшь ты. Завидую.

– Погоди, Тимофеич, вот когда шведа на abordаж возьмём, деньги в карманах зазвенят, вот тогда ещё больше уважают, а сейчас это так – мелочи.

– Это ты ваше благородие про шведские фрегаты, говорить изволишь? – ехидство прямо-таки светилось в глазах «лысого чёрта», и не только это, а что-то ещё, чего и сам Осип пока не осознавал. – Я их видел своими глазами, а вотты?

– Видал! Пришлось пару раз окропить палубу красненьким, – глаза Александра заблестели, и на лице появилась странная ухмылка. – Ладно, Осип проследи за работой помп и на камбуз загляни, – отмахнулся Александр, исчезая в трюме.

Верить в бахвальство капитана Хромову не хотелось, но слова о денежках в кармане, ему понравились. О каперах ходило немало слухов, да и вживую их видеть ему доводилось.

«А чем чёрт не шутит, с таким дьяволом на мостике»

Хромов печёночкой чувствовал, что есть в этом во всём какая-то чертовщина. А вот в чём она, было пока непонятно.

В том что, морской дьявол с Александром побратимы он уже наслушался вечером в портовом кабаке. Да и проститутки из местного борделя что-то подобное лопотали – Амстердам город небольшой, всё обо всех знают.

«Выйдем в море, – видно будет!» – «успокоил» себя Осип, направляясь к камбузу, где приятно пахло и слюни

невольню наполняли рот при одном виде свиной тушки. Кор-мёжка была хорошей, в этом Капитану не откажешь. За свою команду он глотку готов был перегрызть любому и люди ему отвечали взаимность. Так начинала возрождаться Команда.

Материалы подвозили, Масолов пытался сжульничать, но был прищучен, обруган, получил звонкую оплеуху и ему твёрдо пообещали , если не вздёрнуть на рее, то утопить в месте неглубоком, вместе с его гнильём. Глянув в тёмные как смоль глаза Вельбоо , приказчик понял:

«Этот гад, нерусский утопит. Как пить дать, предварительно содрав шмотки, чтоб добро зря не пропадало».

Испить студёной солёной водицы да ещё голышом хотения не было и всё требуемое стало доставляться надлежащего качества и в срок.

«Аспид проклятый, чтоб тебе басурману сдохнуть в море» – Масолов мило улыбался, глядя на капитана.

Работа кипела и булькала, времени пожрать по-человечески, толком не было, но зато уже через неделю шняву было не узнать.

Кстати, экипаж тоже. Руки были в кровавых мозолях, тело в синяках, но духом воспрянули. Появились шутки, подначки, смех. Материться стали душевно с гордостью, особенно любили покрыть «немчуру» лаком, те отвечали по-своему «по-хранцузски» с испанским акцентом. В общем, шло перекрёстное опыление.

Вечером возле портового кабака случилась потасовка и

все, кто был свободен от вахты и оказался рядом, дрались с упоением, этакой молодецкой удалью, круша зубы направо и налево, как у себя дома на Масленице. Бились на только русские, но и французы махали кулаками с лихостью и азартом.

«Домой» на шняву возвращались все вместе, пусть и с разбитой сопаткой, с фингалом под глазом, но орала, шутила, трепалась уже не толпа, возвращалась Команда.

Это была первая победа, пусть и в заурядной пьяной драке.

На верхней палубе шнявы установили десять пушек, соорудив в фальшбортах шкафута и на шканцах, закрывающиеся орудийные порты, сделанные вполне искусно и со знанием дела.

Мужики, которых капитан определил в комендоры, взялись за учёбу охотно – пушкари, а в особенности флотские, отродясь пользовались почётом и уважением. А лишними, знания никогда не бывают. Эту истину жизнь подтверждала не единожды, так что подгонять никого не требовалось.

Выйдя на рейд, палили по мишеням. Грохоту и дыма было много – пороху и огневого припасу не жалели.

«У Строгановых деньги есть, ещё подвезут. Неделю грохотала такая канонада, что можно было подумать, что идёт морская баталия.

Стоило это Григорию Строганову в копеечку немалую, но три сотни тысяч гульденов серебром нужно было домой доставит, а по сухому пути опасно было, да и морем тоже

боязно.

Но жить-то нужно было как-то, а помощи ждать от царя-батюшки не приходилось. Самому помогать доводилось, и не впервой уже.

В море уходила половина из прибывших иноземцев. Особенно ценным кадром был Сезар де Бурбон, командовавший пушками и к славе однофамильца адмирала и графа Франции никоим образом непричастный.

Правда, нередко, в подпитии, бывал за ним такой грех – любил выдать себя за внебрачного сына герцогини де Бофор, но это только в подпитии. А вот стрелял «Сеня», как быстренько переиначили на русский манер его французское имя без промаха, в чём и снискал уважение всей своей пушкарской команды.

Наконец, наступил день, когда все приготовления были закончены, товар загружен, слова прощания, и ценные указания начальства сказаны. Капитан занял своё место на шканцах. Он сейчас был главным на судне – первым, после бога и от его решений зависела жизнь сотни человек, уходящих в море.

– Снимаемся с якоря! – негромко скомандовал Александр, и Осип, стоящий рядом с капитаном, кивнул, давая понять, что распоряжение принял. Началась привычная работа:

– Пошёл, все наверх! С якоря сниматься! – заорал во всё горло бывший капитан, а теперь первый помощник – «лей-

тенант», по иноземному.

Боцман, широкоплечий рыжебородый верзила, из потомственных поморов, чуть за сорок, приняв команду Тимофеевича, закрутил шестерёнки хорошо отлаженного механизма управления судном.

– Выбирать якорь! Паруса к постановке изготовить! – боцманский рёв, и скрип кабестана приведённого в движение четвёркой вахтенных матросов, заставил корабль слегка качнуться на нос. Якорь, оторвавшись от мягкого грунта, медленно пополз вверх увлекаемый звенящей цепью, неспешно наматываемой на барабан.

– Всем наверх! – Снова последовала команда боцмана, и марсовые побежали по реям, подобно тараканам. Сняв чехлы и развязав линии, туго прижимавшие к реям паруса, взяв плотную ткань подмышки, они выжидали.

– Выбрать шкоты!.. Поднять паруса!.. Веселей наверху, не мешкать!.. Взять на гитовы!.. Навалиться на шкоты! Фока-шкот, фока-галс отдать! На брасы, левые! Крепить так! – распоряжения следовали одна за другой. Боцманская команда матросов, с быстротой тренированной обезьяны, карабкаясь по вантам, буквально взлетала на мачты и стенки для постановки парусов. Другая часть экипажа, пользуясь канатами, закреплёнными в нужном месте, через блоки приводила в движение неповоротливые гики.

– Поставить марселя! Бизань-гик на правую!

Даже ничего не соображая в управлении судна, а просто

видя быструю и слаженную работу экипажа, получаешь удовольствие, особенно если причал медленно отдаляется и ветер открытого моря начинает свистеть в туго натянутых канатах.

– Лево на борт! Поставить кливера – следует команда капитана.

– Фок-реи бейдевинд левого галса! Поставить грот! Поставить фок и брамселя! Боцман точно репетирует, полученную команду, заставляя судно сделать поворот в нужном направлении.

Корабль медленно, но уверенно ложится на курс. Правый бакштаг наполняет поставленные паруса жизнью, берег тает в дымке тумана, наполняя душу радостью и страхом. Ветер свистит в вантах.

Капитан доволен – придраться, в общем-то, и нет повода. Мореходы в десятом колене, поморы своё дело знали, учили их так. Любовь к Северу, студёному Белому морю, рождалась вместе с ними, в них самих с молоком матери и на всю жизнь.

Кивнув вахтенному, капитан направился в свою небольшую каюту, где его дожидался молодой офицер в чине поручика, которого ему навязали ещё в Амстердаме и которого следовало доставить в Архангельск. Но это, конечно, официально, а неофициально, как полагал Александр к нему попросту Строганов подсадили своего человека – «абы чего не вышло».

Да и денежки в каюте наличествовали и не малые – так, что присутствие Ушакова было более чем уместно.

«Они вышли . Груз в каюте капитана. Десять пушек на палубе. Мои люди на месте»

Голубь нарезал круги, прежде чем исчезнуть из виду, унося послание.

Начиналась большая игра.

Густав Браге безмятежно спал в шикарных апартаментах в заведении мадам Каналес, в обнимку с юной и обнажённой, до неприличия девицей.

Марта содержала элитный бордель, который посещали самые уважаемые люди Гётеборга.

Хозяйкой "дома любви и порока" была непросто бандерша – это была весьма приличная дама, баронесса, окрутившая в своё время королевского казначея.

Казначея, правда, вскорости поймали на финансовой афере и вздёрнули за жирную шею на просушку. А вот супругу, спровадили с глаз подальше в Гётеборг, дав денег и не лишив титула, по причине покровительства первого министра короля, по достоинству оценившего «постельные таланты» очаровательной Марты.

Впрочем, если бы барон не грабил короля так же беззастенчиво и нагло, как его супруга улажала его сиятельство

графа Пипер, может быть, и носил рога ещё лет двадцать, но жадность мужчину сгубила.

Появившись рано утром, когда бордель ещё спит, как и полагается приличному заведению, некий господин в сером неприметном кафтане из дорогого голландского сукна, бесцеремонно вошёл в холл и направился в апартаменты для особо почитаемых гостей.

Усевшись в кресло, стоящее напротив широкой дубовой кровати, неизвестный закурил трубку. Табачный дым медленно поднимался к потолку пропитывая своей вонью дорожные портьеры, прикрывающие шикарное окно, остеклённое цветным стеклом.

Имея солидную «крышу» и сохраняя секреты своих клиентов, Марта узнав о наглеце, посмевшем потревожить её гостей, пылая праведным гневом, ворвалась в шикарные апартаменты, готовая высказать всё, что она думает о вошедшем хлыще, его маме и папе его ближайших родственников и всём скотном дворе.

– Выйди вон и обеспечь, чтобы нам никто не мешал, – холодный блеск серых глаз, мгновенно охладил праведный пыл женщины. Кого кого, а Скруве она знала преотлично. Один его вид вызывал в ней ужас, и тело баронессы покрывалось пупырышками.

Хозяйка застыла с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, готовыми выскочить из орбит. Хватило одного мгновения, чтобы в них вспыхнула ужасная сцена её по-

следней встречи с мужем, висевшем на дыбе с изуродованной плетью спиной и эта голодная улыбка палача, желавшего «испробовать» её холеное тело.

Стивен Скруве, будучи подручным первого министра шведского короля, небезызвестного графа, умел изыскать аргументы и подход к любому человеку, а уж сломать холеную потаскуху, которую он же и подсунил под своего шефа, ему вообще не составляло труда.

– Безусловно, всё будет так, как вы пожелаете, – мадам Каналес с самой ослепительной улыбкой, на которую она была способна, бочком выскользнула из комнаты. И только за дверью почувствовала, что её колотит мелкой дрожью и тело покрылось холодным и противным потом.

В том, что в комнату никто не зайдёт, вошедший господин даже не сомневался. Впрочем, долго рассиживаться в кресле ему не пришлось. Ароматный дым трубки и вопли «мадам», разбудил сладко спавшую парочку, а пристальный недобрый взгляд серых неподвижных глаз вошедшего, быстро расставил всё по своим местам.

Здрavo сообразив, что её присутствие в комнате вовсе не обязательно смазливая девица, схватив свои пожитки и даже не прикрывшись, пулей вылетела за дверь, где и была встречена «мамашей», и препровождена в её личную комнату, где одевшись, чуток успокоившись, попив кофе, направилась на кухню завтракать, а может быть, занялась чем-то более важным.

Мужчина, лежащий на широкой кровати, проводив взглядом девицу до двери, расхохотался.

– Стивен ну ты скотина. Врываешься не спросясь. Может у меня ещё есть дела поважнее, чем ты думаешь, может я ещё хочу...

– Густав! – оборвал его хозяин серого кафтана, – тебе надлежит выйти в море. Приказ графа. Два фрегата стоят на рейде в полной готовности.

—Если речь идёт о том корыте, которое мы упустили прошлый раз, то достаточно и одного, или у русских появились пушки.

– Представь себе – да, появились.

– Сколько?

– Десять, по пять с каждого борта и новый капитан.

Густав Браге – коммодор шведского флота, с недоумением уставился на господина, развалившегося в кресле.

—Стивен у меня на фрегате пять десятков пушек и три сотни матросов и это не считая той команды головорезов, что ты прислал прошлый раз, а сколько на русском корыте.

– Сотня человек, может чуть больше.

– Тогда зачем мне ещё один фрегат?

Не обращая внимания на заданный вопрос, подручный графа затянулся трубкой, с удовольствием выпустил ароматный дым к потолку и продолжил:

—Твой курс Шетландские острова, мимо них русские не пройдут, туда же спустя неделю подойдёт эскадра адмирала

Горна. Ей предстоит сделать рейд в Белое море сжечь Архангельск и русские верфи. Встречаться вам вовсе не обязательно.

– Мне, – капитан оперся на спинку кровати, – я так понимаю, предстоит отправить на дно русское корыто?

—Совершенно правильно, но тебе Густав, нужно не просто потопить, как ты выразился «русское корыто», а ещё захватить триста тысяч гульденов, находящихся на его борту. Судьба экипажа меня не волнует. Лучше будет если они просто исчезнут – это приказ.

Ухмыльнувшись, моряк с интересом уставился на любителя курительной трубки, который в очередной раз глубоко затянувшись, выпускал дым удивительно правильными кругами.

—Никто не должен узнать о твоём подвиге. Ты уж позаботься об этом. Объясни доходчиво, не мне тебя учить. Тридцать процентов добычи можете взять себе. Остальное – королю. После завершения рейда возвратишься в Гётеборг, разминувшись с эскадрой Горна, естественно.

«Да король,наверняка, и знать не знает и гульденах», – подумал Густав, сбросив на пол атласное одеяло и натягивая портки и рубаху. Говорить о деньгах, будучи голышом, он не привык.

– А, может, лучше фифти-фифти? – кафтан из дорогушей тафты покрыл жилистое тело моряка.

Торговаться он мог в любом виде, но в кафтане и в штанах

было привычной.

—Думаю, что девяносто тысяч гульденов, и чин адмирала тебя удовлетворят. Граф обещал, а ты его слово знаешь.

«Так бы и говорил, что это для Хозяина» – усмешка на его физиономии, лучше всяких слов давала понять, что капитан всё уразумел и дальнейшие препирательства исключены, – лучше уж, жирная синица в руках, чем журавль непонятно где.

«Конечно, придётся делиться с командой, но всё равно куш будет жирный, а болтливым можно и язык укоротить. Прецеденты уже бывали».

Мужчины переглянулись.

« Конечно, можно! Даже желательно с головой вместе».

Не было произнесено ни звука, но для умных людей достаточно и взгляда.

«Графу нужны деньги, а кому они будут лишними?!»

– Стивен, а всё-таки на кой чёрт, мне второй фрегат. Больше народу будет знать об операции больше вероятность...

—Ты так уверен в своих силах, или жадность одолела – не хочешь делиться?

—Пятьдесят пушек, три сотни экипажа, против горстки русских медведей с десятком пугачей?

Коммодор исподлобья смотрел на «сухопутную крысу», а в том, что это именно крыса, с острыми и к тому же ядовитыми зубами, он не сомневался, – был пару раз свидетелем такого, что и вспоминать жутко.

С лёгкостью выдержав пристальный взгляд моряка, Скруве, ещё раз затянулся трубкой и выпустил правильные дымовые окружности. При этом дым уже не поднимался кверху, а двигался параллельно полу, прямо ему в лицо коммодора.

—Через три дня русские выйдут в море. Ты выходишь завтра, на рассвете. Карты маршрута, получишь у меня вечером. Кстати, ты не спросил о русском капитане.

—Какое это имеет значение? При таком соотношении сил!

—Вельбоу!

—Кто?! – а вот теперь усмешка сползла с физиономии капитана, как весенний снег под лучами тёплого солнышка.

Видя, какое впечатление на капера, произвело упоминание имени капитана русского судна, Скруве недовольно поджал губы.

«Идиот, тупорылый болван» – глазки начальника тайной полиции шведского короля превратились в две щёлочки, а узкое синюшного цвета лицо, приобрело вовсе уж гадючье выражение

—Успокойся и не паникуй, похоже, что в море вышел его сын, да и какое это имеет значение?!

Коммодор опустился на край кровати и тупо смотрел в окно закусив нижнюю губу и его взгляд категорически не понравился Скруве, по крайней мере, на такую реакцию он явно не рассчитывал.

Уговаривать никого, никого не собирался. Приказ был от-

дан, точки расставлены. Сунув трубку в карман, первый помощник всесильного графа встал и направился к выходу. У двери он задержался и повернувшись ещё раз взглянул на Браге :

— Два фрегата, в полной боевой готовности уже на рейде. Карты маршрута получишь вечером.

Возражений не последовало. Коммодору всё стало понятно.

«Сухопутная крыса» оказалась не такой уж и сухопутной. «А не послать ли мне всё к чёрту? Нет, поздно! Граф всё равно найдёт и» — энергично мотнув головой, Густав понял, что два фрегата, сотня пушек и почти шесть сотен отъявленных головорезов, лучшая гарантия, того, что заветный чин и солидный куш, скрасят его дурацкие предчувствия и страхи.

Через день фрегаты снялась с якоря и растаяли в утреннем тумане, направляясь к Шетландским островам, которые наподобие библейского Цербера, сторожили выход из Северного моря в Норвежские воды Ледового Океана.

Глава 2

Ангелы и бесы

Даша лежала на лавке, крепко привязанная ремнями, а здоровый мужик в красной рубаше с расстёгнутым воротом тяжёлым кручёным кнутом монотонно превращал её спину в кровавое месиво.

Воспитанница старого князя, она же любовница его сына, лежала на лавке и с ненавистью смотрела в лицо молодой боярыне с фигурой, напоминающей сухую акацию, ну в смысле «ни рожи, ни кожи» – одно сплошное недоразумение.

Удары сыпались неотвратимо и методично. Красавица молчала. Ненависть, исходящая из её глаз медленно заполняла всё пространство конюшни, превращённой в пыточную.

Женитьба молодого господина на богатой и знатной боярыне Турусовой, в сущности ничего не поменяло в жизни поместья и его обитателей.

Олег Стриженов просто исполнил волю отца, но впускать в своё сердце княжну, он не собирался по той простой причине, что там уже была женщина – Дашенька Керн.

Воспитанница старого князя появилась в поместье давно и росла вместе с Олегом. Откуда она родом никто, в сущно-

сти, не знал. Просто однажды в лесу во время господской охоты, нашли рядом с медвежьей берлогой, младенца женского пола и отнесли к князю, а барин пожалел дитя и оставил его в доме.

По одеждам и медальону, который был на шее у девочки, можно было сразу сказать, что она не из простонародья, и уж тем паче не из крепостных.

Потому что медальон, стоимостью десять тысяч серебром, на шею младенцу простолюдинки не вешают. Да и вензель с короной на пелёнках тоже говорил о многом.

Поначалу Стриженов жил в страхе – ждал чего-то, а потом, как-то привык, да и девочка расцветала, как роза, становясь краше с каждым днём.

Медальон долго хранился у князя, но будучи стеснённым в средствах, он вынужден был продать его, оставив сиротку, фактически без копейки, а когда пришло время женить сына и наследника, в поместье появилась Софья Турусова и сразу возненавидела Дашу.

Надо отдать должно – чувство это было обоюдным. А вот когда старый хозяин умер, а молодой князь "наострил лыжи" в Европу, то с собой брать жену решительно отказался, объявив, что она останется дома.

– А Дашку с собой взять хочешь? – гадюкой зашипела законная супруга.

И её можно было понять и посочувствовать.

– Да, Даша поедет со мной, – просто как о чём-то обыден-

ном заявил боярин.

– Не бывать этому. Не бывать!

Олег, не вступая в спор, потому как хорошо знал истеричный нрав Турусовой, направился в карету и, укатил по делам в Первопрестольную.

Даша должна была ехать в Москву на следующее утро. Всё уже было готово к отъезду. Вещи она собрала загодя.

– Олег, давай уедем вместе, чуёт моё сердце быть беде, – накануне ночью, лёжа в княжеской постели, убеждала его девушка.

– Да не бойся дурёха, никто тебя не посмеет пальцем тронуть, а мне нужно в Посольский приказ, забрать дипломатическую почту. Приедешь в Москву, и вместе в путь тронемся.

—Нехорошо это. Грех!

—Ты насчёт Софьи? Плюнь, я просто выполнил волю отца.

Даша сама понимала, что Софья, в сущности, была невиновата, и ей было крайне неудобно перед законной, пусть и нелюбимой супругой, но не она заварила всю эту кашу, а вот расхлёбывать приходилось ей. Да и люди в поместье её, по большому счёту, осуждали.

«Гадина, змеюка подколодная. Бесстыжая» – не раз слышала она шёпот за спиной и умом понимала, что правы люди, грешно жить с чужим мужем на глазах у законной жены.

«Но что же мне делать?!» – на этот вопрос никто, да и

она сама не знал ответа.

Решение нашла молодая княгиня: «А нужно просто убить разлучницу, и всё станет хорошо».

Как только господская карета скрылась за пригорком, в комнату к «мерзавке» заявился личный кат князей Турусовых, откомандированный заботливой тётшей, которая была в курсе, особым умом не блистала и простое, и понятное решение дочери одобрила.

—Ничего Софьюшка, полютует и успокоится, а грех я на себя возьму доченька. Не плачь милая.

А чего для своего дитя, любящая мать не сделает?

«Выпороть девку? Тоже мне грех?! А если слова добрые через голову зайти не могут, надобно, через задние ворота насильно батогами загонять. Да и кто она такая, чтобы Княгине перечить? Девка без роду-племени. Крепостная потаскуха.

Без церемоний, войдя в Дашины покои, Афанасий – личный палач княгини Марфы Турусовой, попросту грохнул воспитанницу по голове, своим пудовым кулаком, так что женщина упала на пол, лишившись чувств.

А вот когда её окатили холодной водицей, да из ведра, она пришла в сознание и ужаснулась, обнаружив себя совершенно голой, накрепко привязанной к широкой лавке. Да ещё в присутствии дворовых баб и пары конюхов.

Противно пахло навозом, лошадиным потом и мочой, в которой кат замачивал тяжёлый плетёный кнут со свинцо-

вым шариком на конце.

Даша слыхивала о мастерстве Афанасия и сразу поняла, что жить ей осталось не больше четверти часа, и то, если очень повезёт.

—Очухалась, тварь – молодая княгиня, нехорошо улыбаясь, уселась в кресло, напротив лавки. – А что о пощаде не молишь? Страшно небось?! Жить хочется?!

Понимая, что говорить и просить бесполезно, её всё равно в лучшем случае убьют. В худшем – изуродуют, Даша просто приподняла голову и нагло стала смотреть в глаза женщине, которая захотела её лишить жизни.

К палачу у неё претензий в сущности не было: « А что Афанасий, ему приказали он выполняет – всего лишь оружие. А убийца – вот рядом. Да, конечно неправда, но ведь не сама же я заварила всё это».

– Ну, я так понимаю, что ты дрянь, гадюка подколодная, решила в молчанку сыграть. Ну-ну, поглядим, надолго ли тебя хватит, – кивнув палачу, Софья неспешно добавила, – начинай.

Удары сыпались мерно, кнут тяжело опускался на девичью спину, кожа лопалась, и кровь стекала на пол.

Даша молчала, с каждым ударом чувствуя, что не слабеет, наоборот, силы становилось всё больше и больше.

Злость к творимой княгиней несправедливости превращалась в волны страха и ненависти, которые медленно и неотвратимо исходили от неё, и подобно червям, проника-

ли во все естественные отверстия находившихся в конюшни людей.

Первым не выдержали, дворовые бабы и с воем, полным ужаса женщины выбежали вон. За ними вылетели оба конюха и бросились прочь.

Афанасий почувствовал, как холодные скользкие пальцы смерти сжали его большое горячее сердце. И что-то острое вошло между лопаток. В глазах у палача потемнело, кнут выпал из рук, и он почувствовал как его душа, бросив здоровое, сильное тело, уносится куда-то прочь, на встречу с неведомым.

Когда через некоторое время в конюшню всё же решились зайти, то даже у выдавшего виды плешивого, управляющего с широкой вороватой рожей, волосы на теле зашевелились от ужаса:

На полу конюшни в луже крови лежал кат, а молодая госпожа сидела в кресле с остекленевшими глазами, гримасой ужаса на лице и совершенно седыми волосами.

Черноволосая, молодая женщина за четверть часа, превратилась в поседевшую развалину.

На лавке никого не было. Куда исчезла «воспитанница» было решительно непонятно. В конюшне её так и не нашли, да и в поместье тоже. Никто ничего не видел, а если и приметил что, то наверняка молчал, то ли от страха, то ли по другой причине, нам не ведомо.

Софья Турусова так в себя и не пришла, ну в смысле умом

она тронулась . Хозяйство пошло прахом, а вскорости нашли её в доме мёртвой.

Удавилась она. Сама в петлю влезла, а может, помог кто, о том было много слухов. Даже из Москвы приезжал дознаватель, допрос учинял, но так толком ничего и не выяснил.

А вскорости, и молодого князя привезли домой в гробу. Нашли горемыку ночью с ножиком в сердце, поблизости от резиденции российского посла во Франции. Так и похоронили их обоих рядышком со старым хозяином.

Такая вот история.

«Какое она имеет отношение к нашему повествованию?» – спросит читатель.

Отвечу: « А шут его знает какое. Просто в предместье Гавра, на западе Франции, на тихой улочке Виардо, что недалеко от порта, поселилась простая цветочница, купившая добротный двухэтажный домик с садиком, обнесённый двухметровым забором из дикого камня, за весьма приличные деньги».

Ничем примечательным она не отличалась, кроме того, что была молода, красива и помимо цветов, которыми торговала на городском рынке, ещё неплохо говорила по-русски, по-польски, и ловко писала прошения.

А ещё она была вхожа к королевскому интенданту провинции Гавр – фактическому хозяину города и обширных земель его окружающих.

Фавориткой или любовницей господина Каллона, она

не была, но могла заходить в его резиденцию свободно и её беспрепятственно к нему пропускали. В этом тоже была какая-то загадка, тем более что цветочницу звали Дарья Керн. Вот такое необычное французское имя.

Эта фамилия ещё всплывёт в российской истории и даже останется в её анналах, но это будет позже, значительно позже.

О князь-кесаре Фёдоре Юрьевиче Ромодановском много чего ходило в народе: "Сам собственноручно головы стрельцам рубит, кровь людскую кружками натошак пьёт, а которого дня не испив, так и хлеб жрать не может. Людей невиновных, огнём и железом самолично пытается. Зверь, а не человек. Сам царь его боится".

Что в тех словах правда, что неправда – это и предстояло узнать молодому дворянину Андрей Ивановичу Ушакову, поручику гвардейского Преображенского полка, направленному в распоряжение князь-кесаря личным повелением царя Петра.

Андрей Иванович – широкоплечий, высокий, крепкий юноша, за ловкость и силу прозванный "детинкой" был беден как церковная мышь.

Сын дворянина из рода Ушаковых, он и четыре его брата рано остались сиротами, а все заботы о них взял на себя единственный крепостной их отца, крестьянин Аноха. И если бы не указ царя, предписывавший всем дворянам без

исключения, свободным от службы, явиться в Москву так и пропал, наверное, он в безвестности.

"Детину" заметил сам Пётр, приблизил за ум, смекалку и нежелание плести интриги и сводить счёты сплетнями и наговорами. А вот в ухо или там по мордасам Андрюша мог настучать свободно, но пользовался этим крайне редко и только с позволения начальства.

Язык за зубами он умел держать, умел видеть, слушать и мотать на ус – это царь понял быстро и нет ничего удивительного, что "детинушка" был направлен к князь-кесарю, сразу после возвращения царя из Европы.

А может быть, решающую роль сыграло то, что молодой поручик с детства знал шведский и французский язык, чем нередко пользовался Пётр.

Был у отца Ушаковых управляющим швед, за хозяйством смотрел, барчуков учил, пока не запил горькую и не помер, то ли с перепоя, то ли от тоски.

Поговаривали, что всему виной была личная драма Якова – любовь к московской барышне, которая, покрутив хвостом, бортанула нищего шведа, и укатила с купчиной в Первопрестольную.

«Сила, ум, бульдожья хватка, умение хранить чужие тайны и не высовываться, да ещё и знание языков – и просто поручик?!» – удивится читатель. И будет прав. Не всё так, как видится и не всё то золото, что блестит.

Царь, Пётр Алексеевич был самодуром, извергом, да кем

угодно, но вот дураком, он не был точно. Иначе сидел бы себе тишком в Кремле и не рубил «окна в Европу, так что щепки летели во все стороны, и в соседей тоже. Коим это «окно», было как кость в горле, особенно шведам. Кому ж охота барыши терять.

Вот и вредили скандинавы и шпионы ихние, тайно и явно гадили, как могли.

А кто дерьмо убирать будет и вражин из Отечества калёным железом выжигать?

Приказ тайных дел, учреждённый Алексеем Михайловичем, при царевне Софье захирел совсем. Лазутчики иноземные расплодились в родной Державе, что тараканы за печкой.

Начинать войну, когда за твоей спиной засланец притаился, и норовит ножиком пырнуть или бомбу кинуть?

Да вы шутите господа хорошие.

Вот и пришлось Ушакову принимать на себя часть забот, Преображенского приказа, коим заведовал князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский.

Предстояло возрождать Приказ Тайных дел — Тайную канцелярию Петра Алексеевича, по-нашему ГРУ или ФСБ, — это как кому нравится, сущность одна.

Дурака и лизоблюда, на такое дело не поставишь, а знающих людей — кот наплакал, да и не всякий потянет. Тут особый склад характера требуется, хитрость, изворотливость, умение плести интриги.

А что такое интрига? Это не поединок на шпажонках – туда-сюда, прыг-скок, железками друг в дружку тыкать.

Интрига – это смертельная схватка, когда и противника зачастую не видишь вовсе, но ты должен знать о нём всё, потому что, он гад стремится к тому же. И удар должен быть только один, но смертельный.

Вот за каким лешим направлялся гвардейский поручик Ушаков в Преображенский Приказ по повелению самого царя.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Близился час обеда, когда к зданию Преображенского приказа, выстроенного на самом берегу Яузы, подъехал всадник на обычной лошадёнке серого цвета. У дверей приказа стояло двое стрельцов с ружьями. Явно изнывая от безделья, они невесело посматривали по сторонам.

Конечно, прибывшего офицера, и наверняка дворянина, заметили сразу, но никого вовнутрь не пропускали. Служба такая.

А на попытку открыть дверь голос подали оба, сразу:

– А ну, стой! Куда прёшь? – злобы в голосе не было, но зверскую рожу скорчили, для порядка и скуки ради.

– По повелению царя, – не особенно обидевшись, гаркнул в ответ "детина", да так, что охранники оглохли на оба уха в момент, а дежурный офицер выскочил на крыльцо с ошалелым видом и зенками величиной с целковый, причём каж-

дый глаз в отдельности.

—Чего орёшь, дубина, порядку не знаешь?

—По повелению царя я, вот пакет князь-кесарю, – поручик лихо выхватил запечатанный конверт из сумки, висевшей у него на поясе.

Такие посланцы здесь были не редкость.

—Пропустить!

И, уже обращаясь к прибывшему офицеру, негромко до-
бавил:

—Проходи ваше благородие. Сейчас Самому доложу. А пока в прихожей постой или на лавку присядь.

К удивлению дежурного офицера, поручику долго ждать не пришлось. Уже через четверть часа он входил в кабинет Ромодановского, что было удивительно, потому что иные господа и по двое суток дожидались ответа, не жравши, кстати.

Фёдор Юрьевич Ромодановский с вечера напившись медовухи, к которой имел слабость, сверхнеобходимого, сейчас сидел за массивным дубовым столом в просторной комнате, служившей ему рабочим кабинетом.

Главный «изверг Империи» откровенно страдал от мучившего его похмелья. Сушняк был конкретный, голова гудела как медный колокол и во рту было сухо как в пустыне летом.

Да и воняло изо рта Фёдора Юрьевича, таким ядрёным перегаром, что все тараканы за печкой, зажав носы, забились

по щелям и не высывались. Пережидали аспиды газовую атаку.

Большими, чуть навывкате глазами князь-кесарь смотрел не на стоявшего перед ним офицера, а на кувшин с огуречным рассолом, поставленный Марфой прямо перед ним.

Тело у князя Ромодановского было коротким, необъятной толщины. Голова крупная, похожая на тыкву, глаза маленькие, чуть навывкате, как у жабы, и смотрели они на входивших в его кабинет людей с нехорошим прищуром, пытливо, с подозрением. От такого взгляда не укроешься – всё нутро, насквозь видит «антихрист».

Протянув руку, князь-кесарь, решил начать разговор всё же с глечека. Сграбастал своими короткими толстыми пальцами, унизанными дорогущими перстнями кувшин с холодным огуречным рассолом, пригубил и не остановился, пока не выпил всё содержимое, утешив свою ненасытную утробу.

И только после этого, глянул на вошедшего в кабинет поручика. Взирал своим фирменным взглядом, из-под густых ресниц.

Зырк этот мало кто выдерживал, – ломались многие, на колени падали, а иные так и за сердце хватались.

Офицер спокойно смотрел прямо перед собой и на его лице, не отразилось никаких эмоций. Страх не было точно.

«А чего бояться? Меня царь послал, пусть меня и бояться!»

«Ишь ты, храбрец какой выискался, ничего сейчас я тебе

рога-то пообломаю» – подумал Ромодановский, но виду не подал, наоборот, улыбнулся и приятельским голосом предложил:

—Брагу пить будешь?

– По повелению Петра Алексеевича я, – чётко ответил поручик.

– Вижу. Не слепой. Давай сюда твою бумагу.

Ромодановский неспешно вскрыл пакет и углубился в чтение.

—Хм, – усмехнулся, прочтя депешу, и неожиданно для гвардейца заговорил по-шведски:

—Желаешь послужить на благо Отечества юноша, или государю нашему Петру Алексеевичу?

Вот зараза, подловить хочет «аспид» – невольно подумал Андрей, но даже и бровью не повёл. Ответ был готов:

—Желаю послужить на благо Отечества нашего, Петру Алексеевичу вручённое – спокойно почти без эмоций ответил Ушаков. Подумав, повторил то же самое по-шведски, а затем по-французски и по-голландски, – так на всякий случай, но уже не так гладко.

В том, что это была заготовленная провокация, Андрей даже и не сомневался.

Выкрутился шельмец. Ну что же : молод, но не дурак и не лизоблюд, по глазам видно, ну погоди у меня" – усмехнувшись, Ромодановский поднялся из- за стола и прошествовав к двери, обернулся, уже открыв её почти наполовину:

—Ну, пойдём голубь сизый, посмотрим на тебя в деле. Пощупает тебя, щипчиками горячими, да угольками из печки попотчует.

Глаза князя не моргая смотрели в лицо Ушакова. Ромодановскому этот офицеришка становился интересен, и ему хотелось проследить его реакцию – при таких вот словах не то что смерды, бояре и те бледнели, а глаза их начинали бегать, выдавая страх и ужас, заполнявшие душу человека.

А вот на лице Ушакова ровным счётом ничего и не отразилось хотя внутри – а вот что было у него внутри, князю лучше было бы и не знать.

Пауза затягивалась. Напугать, прибывшего не получилось. Ромодановский на такое вот, не рассчитывал, вернее будет сказать, что предполагал совсем другую реакцию преображенца.

«Почтения к старшим нет! Да! Вот они птенцы гнезда Петрова!»

—Пошли за мной юноша, – недовольно произнёс Ромодановский и зашагал к лестнице, которая вела в подземелье.

В подвале Преображенского приказа помещался застенок – тюрьма. Здесь же была пыточная, во всей своей неприглядности.

В правом углу комнаты стояло два массивных стола с поперечными бороздками для слива крови. На одном из которых, здоровые амбалы, в кожаных фартуках, на обнажённый торс как раз раскладывали на столешнице несчастного раз-

бойничка.

Худой как скелет, совершенно голый человек с животным ужасом, смотрел на происходящее и слабо сопротивлялся.

На стенках пыточной висели клещи, крюки, молотки, различные клинья и другие инструменты противные натуре человеческой, самой причудливой формы. Там же болтались плети и нагайки. Под столами стояло несколько вёдер с водой.

В тёмном углу комнаты – возле стены, разместилось большое, причудливое устройство: необычное ложе с валиками утыканными шипами, такие же иглы располагались на плоской поверхности. На цилиндрические барабаны были намотаны цепи со ржавыми кандалами на конце.

Жар от кузнечного горна, наполнял пыточный подвал теплом. Несколько факелов освещали пространство комнаты, делая её удивительно похожей на преисподнюю, а катов на чертей.

В каземате было невыносимо душно, воняло плесенью, мочой, жжёным мясом. Боль и страдания человеческие тоже имеют свой запах.

На каменном полу среди смрада и грязи сидели страдальцы, под бдительной охраной двух стрельцов – смиренно ждали своей участи. От всего происходящего они были в шоке, тихо скулили, причитая о невиновности.

А за окном была зима и свобода. Снег щедро сыпал наземь и снежинки попадали через узенькое, зарешеченное

оконце прямо в смрадную темницу, стимулируя страдальцев к признанию.

А там, как карта ляжет – кто на плаху, кто в рудники на каторгу с вырванными ноздрями и клеймом на лбу, а кто и домой к жене или любовнице, под сиську.

Палачи – здоровые, под два метра мужики с добрыми улыбками голодных людоедов, не спеша, выполняли свою нелёгкую работу. А и то сказать: сквозняки, вонь, света белого не видишь. Тут и двужильный, загнётся через месяц, а вот они годами здесь маются, и ничего, привыкли.

Ремесло своё палачи передавали по наследству, а вот языка можно было лишиться в любом возрасте.

Немые среди катов тоже были не редкость, а лучше если и глухие сразу – совсем замечательно. Такие кадры жили подолгу. Пока умом не трогались.

Работёнка в застенках паскудная, но зато сыт будешь.

Хороший палач продукт ценный, особенно если он глух и нем, – тогда и убивать его нет необходимости. Такие живут на свете долго.

А вот затем, чтобы труженики кнута грамоту не разуме-ли, следил особый человек, а те, кто разумел, здесь вообще не появлялись.

Свистела плеть, опускаясь на спину тощего мужичонки, закреплённого на одном из столов. Руки несчастного были схвачены двумя ржавыми кандалами, прикрученными к изголовью лежища, а ноги прикручены с противоположного

конца, тушка же была вытянута кабестаном с храповым механизмом.

Палач работал плетью, выписывая кровавые узоры на спине страдальца, который уже не кричал, а только хрипел. Сидящий за столом дьяк считал удары, позёвывая и пуская злого духа в шубейку, что было и не особенно и заметно – вонь в каземате стояла невообразимая.

При виде входящего в пыточную Ромодановского в сущности ничего и не изменилось – палачи остановились на миг, склонив головы, дьяки вскочили.

Князь привычно махнул рукой и работа заплечных мастеров продолжилась в том же темпе, разве, что дьяки перестали зевать и изобразили на своих физиономиях усердие и служебное рвение.

Всё это не произвело на вошедшего в застенок Андрея, особо ужасного впечатления – что-то подобное он и ожидал увидеть, даже хуже. Так что испытал скорее разочарование, чем страх. Горелого мяса и бою насмотрелся вдоволь, да и кровищи тоже пришлось немало повидать.

Узрев, что поручик в обморок падать не собирается, князь-кесарь направился к мужчине, висевшем на дыбе.

Одежду с него уже содрали, так что он был гол и от этого страдал не только телесно, а ещё и духовно. Тонкая материя рубахи, конечно, не могла защитить его от кнута или клещей, но хоть что-то.

На вид мужчине было лет тридцать, может, больше. Он

был коротко стрижен, с бритым подбородком, "испанскими" усиками – явно иностранец. Руки "немца" были скручены сзади, но в суставах не вывернуты и поэтому он висел согнувшись, дёргал ногами и смешно вращал глазами, может от страха или от холода. Его тело покрылось крупными прыщками, и потом.

Понимая, что пытка ещё, в сущности, и не начиналась, страдалец впился взглядом в подошедшего к дыбе князя. Видимо, Ромодановского он знал, потому что на его европейской роже появилась гримаса страха и ужаса от предстоящих нечеловеческих страданий, и это ожидание было для него мучительно.

О виртуозах Преображенского приказа ходило немало баек: палачи способны были выбить из колеи любого храбрца. Здоровые и сильные мужики вопили, словно дети, и даже писали кровью не замечая этого – как младенцы. Несчастное тело узников не спеша превращалось в живую котлету, оставаясь всё время в уме и твёрдой памяти. Лекари хорошие здесь тоже имелись – сдохнуть раньше срока не дадут и к Богу на покаяние без признания земного не пустят.

Палач, здоровый дядя, голый по пояс, стоял рядом с дыбой, держа в руках кнут, и молча смотрел на подошедшего князя. Ждал распоряжений начальства.

Далее, могла последовать команда: либо пороть "немца", либо поднять его повыше, вывернув при этом руки в суставах.

Правда, при этом клиент мог обеспамятеть – невелика беда. Для этого случая водичка ледяная имеется, чтоб в сознание вернуть разбойника.

—Клим! А ну поставь ему горчичники, а то он у тебя совсем замёрз, – прорычал Ромодановский, глядя в глаза иноземцу.

Палач, ухмыльнувшись, привычным неспешным движением, снял со стены заранее приготовленный пучок сухих веток и, подойдя к горну, в котором нагревались до белого каления пыточные инструменты, подержал веник над самым жаром.

Дождавшись, пока ветки вспыхнут, Клим не спеша, со вкусом поднёс факел к подмышкам подвешенной тушки, а потом к груди, опуская всё ниже к самому сокровенному мужскому месту.

Толи от боли, а может от осознания того, что последует, опустился горящий веник чуть ниже, немец заверещал во всю силу своих лёгкий . Орал он на шведском, видимо, с перепугу и от ужаса забыв, что не далее как вчера выдавал себя за французского купца.

—Ну вот, это совсем другое дело – улыбнулся князь. – Да остановись ты изверг, ему же больно.

Тонкий юмор начальства был оценён присутствующими по достоинству. Палач отдёргнул руку, бросив горящий веник на пол и вовремя, потому что пламя уже лизало его лапищу.

—Знакомься юноша, этим фруктом, тебе придётся за-

няться – шпион шведский, резидент самого короля Карла. Понял, какова фигура ?! – Поднятый кверху палец и соответствующее выражение лица князя, говорили Ушакову, что в его способности решительно не верят, но надеются, что задумка царя Петра будет иметь успех.

" А ежели и не будет, так я, вроде как, и не при делах. Молодым у нас, как говорится, дорога, а старикам – да кто их слушает. Вот и получите " – глаза Фёдора Юрьевича ехидно улыбались.

"Ничего милейший князь,– на лице поручика появился оскал голодной гадюки, – попробуем поучить вас с какого конца блоху ковать надобно, или редьку хрумкать без соли, да ещё и с перцем вприкуску.

Сказано не было ни слова, но они и не требовались. Взгляда было достаточно. Оба прекрасно поняли друг друга и без слов.

– Действуй поручик, – и повернувшись, князь громко, чтобы все присутствующие в пыточном каземате слышали, продолжил, – препятствий поручику Ушакову не чинить. Приказы выполнять, как мои . Узнаю, что не так – голову оторву.

Вроде ничего особенного и сказано не было, но этого оказалось достаточно, чтобы отношение к Ушакову в корне изменилось.

Теперь он мог работать спокойно, зная, что любые его приказы будут исполнены, конечно, о них будет доложено

князь-кесарю, – а как без этого, но карт-бланш он получил.

Так начинался его путь на поприще российской контрразведки. «СМЕРШ» Петра Великого, начал свою жизнь.

Ушакову предстояло заложить основы – фундамент, чтобы на века. И детям, и внукам с правнуками хватило.

Жизнь на корабле состоит не только из героической борьбы со стихией или сражений с морскими грабителями, – это исключения, экстремальные пики кои конечно же встречаются но не так уж и часто.

А вот каждый день или ночь, кому какая смена выпадет, моряков ждала обычная тяжёлая работа. Жизнь на корабле поделена на вахты, каждый занят своим делом.

Время в рейсе течёт монотонно и ничего героического не происходит. Те, кто приходит в море за романтикой, очень быстро понимают, что вляпались в совсем неромантичное мероприятие.

Хотя если ты полюбил Море, то оно войдёт в тебя и уже никогда не отпустит. Существовали целые династии, как самих моряков, так и моряцких жён. Большая часть баек об их слабости на передок в отсутствие мужа, – истинная правда, так что супружеская верность в семьях мореходов, издавна была понятием философским.

А вот вы уважаемый читатель или читательница, полгода без женщины или без мужика, не пробовали? Ну и ни надо.

Впрочем, скучать на «Алмазе» было некогда, новый ка-

питан оказался человеком беспощадным и стервозным до невозможности.

Боцманская команда, да и большая часть экипажа лазила по мачтам и стеньгам, что тараканы по потолку, днем и нередко и ночью, поблажек не было.

Особо буйных и строптивых пороли в присутствии Хромова, ковали в кандалы и – вниз на откачку трюмной воды, которая воняла так мерзко, а крысы по ночам пищали так нагло, что охотников перечить начальству и бунтовать извели быстро.

«Дармоедов на шняве не было и быть не должно», – эту простую истину Француз вбил в буйные головы экипажа сразу и навсегда.

Как мудро заметил наш ротный майор Беднорук: «Труд облагораживает – он украшает человека, делает его горбатым».

Капитана, конечно, возненавидели – вместо того, чтобы дать людям отдохнуть после тяжелой вахты, их выгнали на верхнюю палубу. Дали в руки абордажные тесаки и приказали упражняться в умении наносить и отражать удары.

Никакого дерева – боевые и острые как бритва тесаки, которые и точить приходилось ежедневно после каждой «рубки». Кровь и боль, ссадины и порезы – к железу нужно привыкать и лучше так.

Шипели, плевались, матерились, но всем стало очень быстро понятно, что встречи со шведом, и драки не избе-

жать.

Умирать капитан не собирался и не чинясь, рубился в учебном поединке без пощады к себе и к команде. Бились о-стервенело, кровь поначалу лилась рекой, но мастерство приходило, и страх быстренько наострил лыжи и смотался за борт.

Лихость и ловкость капитана вызывали уважение:

«Вот чёрт нерусский и где так ловко рубиться выучил-ся?!» – удивлялись матросы.

Ты можешь быть молод – ничего, с годами этот недоста-ток быстро исправляется. Можешь быть бедно одет или не знатен, но вот если ты мастерски владеешь своим ремеслом, знаешь больше других и умеешь пользоваться своими зна-ниями – ты всегда будешь в выигрыше.

Француз, был отменный штурман, великолепный корм-щик – за одно это поморы простили, бы ему все его чуда-чества. Но посмотрев, как он управляется с секирой и абор-дажной саблей, испытав на себе силу его ударов и ловкость его движений, команда воспрянула духом и готова была «па-хать» как проклятая, потому что жить хотелось всем и до Беломорья добраться тоже хотелось всем.

Команда, родившись на пирсе Амстердама, мужала и на-биралась опыта.

Шнява шла переменными галсами, упрямо следуя проло-женным курсом.

– Держать судно как можно ближе к ветру, – приказал Александр, стоя на своём месте на шканцах, – Осип! Сколько даём узлов?

– Восемь? – помощник работал с лагом.

– Мало, очень мало.

—Увеличить ход, я думаю, не получится, – с сомнением заметил Хромов, поднимаясь на шканцы, – нос перегружен. Да и пушки прибавили вес. Шнява сидит слишком низко.

В эту минуту порыв ветра со стороны правого борта резко накренил корабль, да так, что белые гребни волн лизнули фальшборт с подветренной стороны.

Капитан, отодвинув матроса, стоявшего у штурвала, сам стал на его место и энергичным движением, пока не стих свежий порыв, увалил шняву под ветер.

Все, кто был на палубе, услышали звук, похожий на пение, к которому присоединилось множество других звуков – поскрипывание гиков, гул корпуса и такелажа. Александр всё ближе приводил шняву к ветру.

В простоте и изяществе его движений чувствовался невероятный опыт, нечеловеческая интуиция и высочайшее мастерство.

– Ост-тень-норд, полрумба к норду, – негромко отдал распоряжение капитан и рулевой, кивнул, давая понять, что команду принял. – Так держать.

Уже через месяц плавания, отношение к капитану в корне изменилось. Ему поверили и в него поверили.

Матросы уже с лёгкостью порхали по реям. Даже в постоянной откачке трюмной воды, появилась некая лихость. Руки покрылись таким панцирем мозолей, что час работы на помпе, уже не был, чем-то запредельным.

Капитан на самом деле стал первым после Бога.

Шторм расставил всё по своим местам. Команда уже была готова к экзамену. А оценку? Экзаменатором будет не капитан – неумолимый, суровый, но справедливый ледовый Океан.

«Неудов» в море не бывает. Экипаж судна, во время шторма, либо выходит победителем и продолжает плавание. Либо погибает. Причём все вместе. В ледяной воде долго не поплаваешь.

В тот день с утра горизонт был окрашен в багровый цвет с тёмным оттенком, а по небу надвигались огромные чёрные со зловещей синевой тучи. Молнии сверкали непрерывно, воздух содрогался от могучих раскатов грома, доносившихся откуда-то с левого борта, но явно и ощутимо приближавшихся к кораблю. Волны остервенело налетали на судно, казалось, со всех сторон одновременно, огромные шапки пены захлёстывали низко идущую шняву.

Ветер был поразительно холодным и свистел в снастях такелажа, издавая необычайно громкий и пронзительный звук.

Брам-стенги по приказу капитана были уже опущены на палубу, и теперь все матросы крепили шлюпки к стрелам двойными концами, натягивая добавочные штаги, ван-

ты, брасы и фордуны, накидывая двойные петли на пушки, закрывая передний люк и горловины брезентом и крепя его прижимными шинами.

Не прошло и полчаса, как на судно обрушился холодный ливень, при сильнейшем ветре он продувал человеческое тело насквозь. Стена воды была такой плотной, что матросы просто слепли и не могли дышать.

Ветер как дикий пёс бросался на судёнышко со всех сторон одновременно, молнии разрезали небо ослепительными вспышками, а грохот грома вселял ужас в души людей.

Гром капитанского голоса, властный и уверенный в своей правоте, быстро вернул Команду к действительности. Подгонять никого не приходилось – жить хотелось всем.

—Приступить к откачке воды. Осип пошли шестерых пусть задействуют запасные помпы. Меняться через каждую четверть часа.

Команды с капитанского мостика, следовали одна за другой, голос был уверенным и властным. Так мог действовать только человек, убеждённый в правильности отдаваемых распоряжений. Никаких лишних движений и суеты. И это вернуло жизнь и надежду в души и сердца моряков.

Матросы, кому «посчастливилось» работать на помпах, пахали как бешеные, откачивая тонны воды, которую море и небо без передышки обрушивали на корабль.

Трудиться им приходилось до полного изнеможения, зачастую по пояс в воде, задыхаясь от солёных брызг и дожде-

вых струй, но они, во всяком случае, знали, что им надо делать. Менялись каждые четверть часа, кожа на ладонях лопалась, но на такие мелочи никто внимания не обращал.

Паруса успели убрать ещё до того, как ураган налетел на шняву, но чтобы сохранить управляемость судном штормовой фор-стенги-стаксель и нижние марселя оставили .

И вот сейчас боцман со своими людьми под проливным дождём и пронизывающим ветром делал всё возможное и невозможное, чтобы не дать стихии проглотить их общий дом и держать судно по ветру.

Подчиняясь воле капитана, шнява искусно лавировала между гигантскими волнами, где каждый второй вал, не говоря уже о первом, были «девятыми».

Лишь ближе к полудню ветер перестал налетать со всех сторон, а задул в определённом направлении – на север, затем на запад.

Следом за ним на корабль налетел долгое время копивший мощь юго-восточный ветер, который дул с невероятной силой и в результате нагнал зыбь опасной высоты.

Но для корабля это было уже не страшно – испытание экипаж прошел. В родовых муках родилась и с честью выдержала свой первый шторм Команда, и во главе её стоял Капитан, твёрдо державший управление и судном и людьми в своих руках.

Видимо, поняв, что поживиться не получится, шквал поутих. Нет, не сразу, конечно, он ещё огрызался, шипел, но

отступал.

Бесследно такие передряги, конечно, не проходят, это было понятно всем.

– Капитан что нам надлежит делать? – поинтересовался Осип, поднявшись вместе с боцманом и судовым плотником на мостик.

– Как, что делать? – переспросил с улыбкой Александр, – то, что должен делать любой корабль, попавший в шторм: идти с убранными парусами, под штормовыми.

А вам господа надлежит ещё раз проверить крепление пушек и груза, продолжать откачку воды, соединять и сплести оборванные концы, ремонтировать такелаж. Повернувшись к рулевому:

– Держи круче к ветру. И следи за парусами.

Пробило четыре склянки.

– Василий! – капитан впервые обратился по имени к боцману, – проследи за работой по откачке воды и пусть начинают готовить ужин. А ты Осип Тимофеевич замерь лагом ход, я попробую определить наше местоположение, пока солнце не закрыло тучами.

Жизнь на корабле возвращалась к привычному и понятному распорядку.

Глава 3

Короткое счастье

Французский сорока пушечный фрегат «Ля Ферм» ведомый коммодором Пьером Вельбоу заканчивал труднейший переход с Нового Света в Гавр, где ему надлежало сгрузить среди всего прочего ещё и золото французского короля в немалом количестве.

Казначей, сопровождавший груз был крайне неприятным человеком.

Его наглая манера всюду совать свой нос и пытаться командовать там, где он был полным профаном, могла вывести из себя, пожалуй, даже благочестивого Иова, который терпеливо слушал любого живущего, включая самого Сатану.

Пьер долготерпением не отличался и придворных хлыщей не любил, и это ещё мягко сказано. К тому же коротышка из департамента финансов совершенно не переносил океанскую качку.

От него несло блевотиной и вонью немытого тела в радиусе пары десятков шагов, что было не удивительно, если учесть, что большую часть пути он провёл в каюте, склонившись над медным тазом, в то время как содержимое его желудка стремительно вылетало из его обширного чрева.

Терпение коммодора было не безгранично и довольно скоро доверенный человек Первого министра короля – его глаза и уши, был послан далеко и надолго при вахтенном офицере и нижних чинах.

К счастью, в это самое время фрегат немилосердно швыряло из стороны в сторону и солонина, которую коротышка сожрал накануне, стремительно полезла наружу. Скандал затих, так и не начавшись.

Огромные океанские волны, перекатываясь через борт, вызывали такой страх у «сухопутной крысы», что он быстро ретировался в свою каюту где, склонившись над любимой посудинкой, страдал в полном одиночестве, проклиная «наглого грубияна», «мужлана», не ценящего советы человека, с мнением которого считается сам Людовик .

Дворцовый интриган и коммодор в одночасье стали смертельными врагами и если второму на него было глубоко наплевать, то чиновник, будучи воспитанным при дворе короля, обиду затаил, мечтая о том моменте, когда он сможет отомстить сатрапу.

Нужен был достойный повод, и удача вскоре улыбнулась финансисту.

В тот злополучный день господин Демаре оставил в каюте свой неразлучный тазик и,кряхтя и охая, выполз на свет божий. Его совсем не тошнило, и это обстоятельство вселяло в его душу оптимизм.

Солнце светило в полную силу, на небе не было ни одной

тучки. Фрегат при правом бакштаге буквально летел по морю. До Гавра оставалось не более недели хода. Капитан, пользуясь моментом, совместно со штурманом, занимались астрономическими наблюдениями, пытаясь определить местоположение корабля.

В тот самый момент как он навёл астрлябию на солнце, пытаясь определить широту, вахтенный офицер доложил о парусе, замеченном на горизонте.

Отклоняться от намеченного курса необходимости не было, и уже через пару часов стало ясно, что прямо по курсу два таких же фрегата, как и у Вельбоу, только англичане, преследуют французский двадцати пушечный корвет, стремясь взять его на абордаж. Зайдя с обеих сторон, и зажав француза в коробочку, пираты могли уже праздновать победу. Жертва ещё трепыхалась, но финал был понятен всем участникам побоища. Абордажные команды фрегатов с двух сторон атаковали немногочисленный французский экипаж.

Силы были явно неравны, но соотечественники коммодора сдаваться не собирались. На верхней палубе корвета разгорелось настоящее сражение.

В рукопашной схватке правил нет. Здесь можно нападать втроём на одного, бить в спину, стрелять из пистолета или мушкета в упор – главное, постараться выжить.

На кой чёрт, этим двум негодьям, потребовался корвет французского короля было решительно непонятно, но и бросать собрата на растерзание британским собакам коммодор

не собирался.

—Три румба влево. Открыть порты, приготовить пушки правого борта.

Фрегат, взяв ветер всеми парусами, намеривался ввязаться в схватку, воспользовавшись тем, что он заходил со стороны солнца и был не замечен корсарами с Туманного Альбиона.

У Пьера были неплохие шансы, разнести вдребезги руль ближайшего пирата, и если повезёт сбить его паруса или мачту. Тем самым вывести одного, из нападавших из боя.

Увлечённый горячкой, предстоящей схватки, коммодор не обратил внимания на коротышку, который, появившись на мостике, зашипел, как утюг, на который плеснули холодной водичкой.

—Капитан, следуйте своим курсом, и упаси вас бог слушаться приказа и ввязаться в драку, – глаза чиновника смотрели прямо в лицо Вельбоу.

Поняв, что его сейчас пошлют, точно указав место следования, казначей перешёл на визг:

– Вылетишь с флота, как пробка, я тебе это обещаю.

Взгляды обоих скрестились, подобно клинкам. Глаза в глаза.

– Да пошёл ты в жо...у. Тварь! Капитан здесь я!

Менять свои решения, коммодор не собирался, да и не смог бы, потому что было, уже поздно – фрегат подошёл на дистанцию выстрела.

—Ты дорого за это заплатишь! — чиновник намертво вцепился в поручни капитанского мостика, позеленев от злости, а может быть от страха. Пули, подобно шмелям уже жужжали вокруг, норовя отыскать жертву.

Пушки правого борта били ядрами и картечью одна, за другой, в ключья, разнося румпель англичанина и сметая экипаж с его палубы.

— Право руля. Тарань его бортом.

Фрегат коммодора влез в схватку и отворачивать было поздно. После того как все пушки выплюнули смерть, сбив паруса и превратив в кровавое месиво английских корсаров, находившихся на четвердеке, могла последовать только одна команда и она, прозвучала:

—Абордажная атака, приготовиться. Пошёл!

И в тот же миг десятки канатов со стальными крюками полетели в сторону англичанина.

Четыре корабля сцепившись бортами, превратились в единое поле битвы.

С диким рычанием, свистом голые по пояс с абордажными саблями в руках и кортиками в зубах французы бросились на палубу английского фрегата.

Понимая, что, действуя по велению своего сердца и совести, из самых чистых побуждений и благородства души, он фактически нарушил строгий приказ короля и, наверняка, неприятностей ему уже не избежать:

«Уж этот гад ползучий, позаботится», — коммодор в от-

чаянии, оставив мостик, сам бросился в гущу побоища, ища смерть на поле брани. Но оказалось, не так-то легко умереть героем.

Перед глазами Пьера мелькнула сталь клинка, и если бы тело само не отклонилось назад, привычно среагировав на опасность, на этом для него всё и закончилось бы.

Второй удар он парировал. Схватившись рукой за грот и прикрываясь им, Пьер вышел в тыл противнику и рубанул его со всей силой. Клинок мягко вошёл в тело.

«Господи, какой он мягкий и податливый» – пронеслось в голове капитана, но предаваться философским рассуждениям времени не было.

Дыхание сбилось, сердце стучало в груди, а глаза застилал пот.

Это только в рассказах и байках за кружкой рома, можно услышать, что морякам приходится драться чуть ли не ежедневно. Всё это – враньё. Абордажи, конечно, бывают, но крайне редко – никому не хочется рисковать своей шкурой.

Бой разгорался всё сильнее. Французы, воспользовавшись внезапностью нападения, легко захватили центр вражеского корабля, разделив тем самым силы неприятеля. Команда корвета, получив неожиданную поддержку, ринулась в бой и атака англичан захлебнулась.

Крики, вопли, кровь всё слилось в один протяжный вой. Рассчитывая на лёгкую добычу в виде безобидной таксы, шакалы, на свою беду, нарвались на свирепого волкодава, при-

шедшего непонятно откуда. А вот погибать англичанам ради престижа своего капитана, вовсе не хотелось.

Понимая, что лёгкой победы уже не будет, фрегат англичан, атаковавший корвет справа, обрубив канаты, отвалил в сторону.

«Если он сейчас, перезарядив пушки, даст залп всем бортом, будет плохо» – эта мысль обожгла коммодора, вернув его к реальности.

В том, что англичанин способен на такую подлость, Пьер даже не сомневался – прекрасный способ избавиться от ненужных свидетелей собственного позора.

– Все на борт, руби канаты, готовь пушки. – Вельбоу был снова на мостике своего корабля.

На палубе англичанина, сцепившегося с корветом, бой затихал. Умирать ни за понюх табака желающих не было. Проще было поднять лапы кверху. Да и намерения соотечественника стали понемногу доходить до сознания пиратов, под флагом английского короля.

Оторвавшись от борта атакованного им англичанина, фрегат коммодора, забрав ветер, выходил на дистанцию выстрела, предотвращая подлое решение английского капитана.

А его намерения стали понятны даже его подельникам, поднимавших лапы кверху:

«Разнести вдребезги борт соотечественника ниже ватерлинии, отправив на дно своих и чужих. А дома?! Дома ан-

гличанин выставит себя невинной жертвой нападения двух французских негодяев. Ему поверят, а дальше пусть разбираются дипломаты».

Видя, что его намерения разгаданы, а ввязываться в новую драку с непонятным исходом английскому капитану явно не хотелось.

Шакал отвернул в сторону и поспешил скрыться за горизонтом, бросив своего товарища на произвол судьбы.

Впрочем, его судьба была уже решена. Оставшихся в живых англичан, обезоружили и загнали, как скотину, в трюм. А сам боевой корабль в качестве приза, но уже с новой командой через неделю входил на рейд Гавра под восторженные вопли встречающей их толпы.

Победителей, как известно, не судят, и потому коммодор Пьер Вельбоу получил всё, что заслужил по полной программе.

Из кабинета Людовика он вышел бароном и прошествовал в резиденцию всемогущего Первого министра, а заодно уж министра финансов, военного и морского министра в одном лице.

Жан-Батист Кольбёр принял «национального героя» с распростёртыми объятиями, но из флота его вышиб. И вполне заслуженно.

В тот же вечер коммодор с друзьями, заявился в портовый кабак, и надрался до бесчувствия. До пороссячьего визга, до

падения мордой в салат. А наутро он исчез.

Поднятая по повелению короля и Кольбера вся Парижская полиция перевернула столицу и её предместья. К поискам присоединились военные моряки, но всё было тщетно.

Коммодор, национальный герой, выдающийся флотоводец, так и не ставший адмиралом, бесследно исчез.

Король был в бешенстве. Адмиралтейство и военные моряки тоже.

Поиски велись ещё неделю, но всё оказалось тщетно. Пьер Вельбоу исчез.

Как заметила одна небезызвестная особа в известном фильме:

«Красота – это страшная сила». А женщины – во все века одинаковы, и их стремление быть чуточку красивее, чем есть на самом деле, стоило немалых денег мужьям, отцам и любовникам естественно.

Любая красотка выест мозг мужчине, если узнает, что у Мани появилось «что-то», а у неё ЭТОГО нет.

«Маня ЭТИМ самым мажет морду и кавалеры подобно мухам жужжат и вьются вокруг бесстыжей вертихвостки» – одна эта мысль способна превратить милую домашнюю кошечку в шипящую фурию.

А потому Даша Керн, помимо цветов, на коих много денег не заработаешь, прикупила небольшую собственность в виде лугов, полей и лесов – целых две дюжины гектаров.

Не особенно чинясь, она наняла крестьян, которые занимались разведением на специально устроенных огородах нужных ей трав и цветов. Они же гнали самогон, очищая его до состояния спирта, который употребляли «по-тихому», в умеренных количествах, а в основном использовали для производства мазей, белил, «венгерской туалетной воды» и прочих средств «для женщин».

Посуду, в виде изящных баночек, причудливой формы, делали тут же на небольшом заводике, рядом с карьером, в котором добывали глину.

Там же расположились улики. Мёд шёл в дело. Женщина не бедствовала.

Деньги у неё водились, высокий покровитель тоже, а вот законного мужа и детей не было. И это обстоятельство тревожило Дашеньку всё чаще и чаще.

Особенно по утрам, когда она присаживалась к новомодному туалетному столику из дорогущего красного дерева, с ужасом смотрелась в огромное зеркало. Замечая новую морщинку на идеальной по красоте шейке, женщина впадала в отчаяние и нередко плакала, мечтая о тихом супружеском счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.